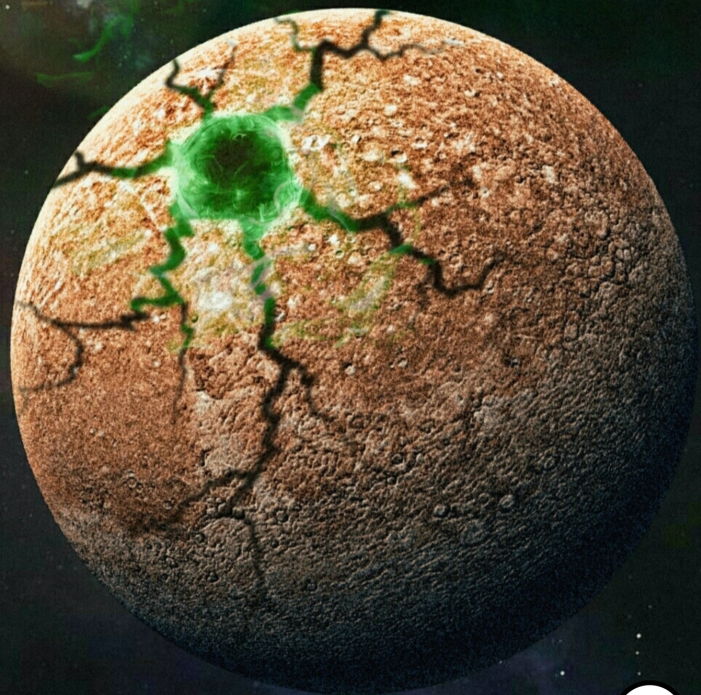

LAPIDES VITAE

ИЗУМРУД МЕРКУРИЯ

Кирилл Шрамов

12+

Кирилл Шрамов
Lapides vitae.
Изумруд Меркурия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63449152

SelfPub; 2020

Аннотация

Меня зовут Виктор Васнецов, и я хотел бы задать только один вопрос: сбывались ли ваши заветные мечты? Моя мечта сбылась совсем недавно, но и не так, как я того желал. Обучение в Общемировом Научном Институте представлялось мне чем-то интересным и безопасным для жизни, но... Нет, вы не подумайте, что я жалею, но идея собрать команду из семи обычных подростков уже звучит, как мысль сумасшедшего. А когда такой команде доверяют спасение мира в опасной для жизни миссии, то стоит ожидать игру на выживание.

Содержание

Пролог	4
Глава 1.	29
Глава 2.	66
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Кирилл Шрамов

Lapides vitae.

Изумруд Меркурия

Пролог

«Письмо»

Москва. 28 июня 2485 год

Утро наступило совершенно неожиданно.

Звон будильника ударил сразу по нервам, а включившийся телевизор прибавил шума заставкой утренних новостей.

Пытаясь снова заснуть, я положил голову под подушку, но – бесполезно. Назойливый звон продолжал давить на уши. Еще и голос диктора, чья физиономия расплылась в плазменном экране, ворвался в зону комфорта с новостями о собрании политиков.

Выключить спонсоров моего утреннего «замечательного» настроения можно было, лишь встав с кровати, но этого делать, как обычно, не хотелось.

Проклиная изобретателей «Умной кровати» и ругая родителей за столь «удачную» покупку, я встал, и серена, орущая похлеще пожарной сигнализации, стихла. Диктор же продолжал что-то бубнить, но теперь звук телевизора казался го-

раздо тише.

«Ох уж эти технологии. Только жизнь портят», – подумал я, бросая взгляд на часы, табло которых показывало: 08:02.

Протирая глаза, я поплелся в ванную. Умылся холодной водой, почистил зубы обжигающе-мятной пастой, причесал взлохмаченные волосы. В общем-то, и все утренние процедуры.

Теперь завтрак.

На плиту встала кофейница, и вскоре кухню наполнил горьковатый аромат ее содержимого. Обычно по утрам его готовила мама, а если быть более точным, то мамина кофемашина, которая, будем честны, была собрана скорее для отравления человечества, чем для помощи ему (вкус у этой коричневой жижи был ужасный). Мне больше нравилось варить кофе самому, но мама, считая меня неуклюжим и, видимо, криворуким, не подпускала к готовке и близко. Но сегодня я готовил себе завтрак сам.

Пока жидкость в кофейнице закипала, на сковородке с шипением и щелчками жарилась яичница. Из тостера вылетели ломтики хлеба, на которые я положил колбасу, а в это время подоспел кофе.

Скромный завтрак разместился на белом столике, стоящем на балконе, а рядом – на белый же мягкий пуф сел я.

Что ни говори, а родители выбрали очень удачное место, покупая квартиру. Наш район – одно из тех мест, где администрация ставит в приоритет восстановление природы (по-

сле комфортного существования людей). Старые бетонные дома с глубокими подвалами давно были снесены, а новые строились на множественных опорах не больше трех метров в диаметре, так что они сохраняли устойчивость конструкции, но в то же время занимали минимум площади.

Дороги с земли тоже убрали, задействовав воздушное пространство, которое было разделено на три уровня, что обеспечивало комфортное передвижение. Первый уровень дорог – толстые металлические тросы. Они, словно нити паутины, переплетаются почти над самыми деревьями, а по ним туда-сюда снуют вагоны, которые раньше использовались для поднятия людей в горы (я видел это в старых книгах, которые часто приносит домой отец). Второй уровень – летающие машины, экологически чистые, работающие на воде, используемой в качестве топлива. Что происходит у них в двигателях – спросите у физиков. Я в этом не разбираюсь. На третьем уровне дорог летают самолеты. Впрочем, так было еще до того, как произошла дорожная реформа.

Так вот: благодаря переносу дорог в «надземное» пространство, внизу раскинулись самые настоящие сады. Сотни и тысячи деревьев росли между домами и под ними, среди растений бегали животные, а в широких прудах, обнесенных невысокими заборчиками, резвились рыбы. Среди воссоздано-дикого великолепия природы петляли пешеходные дорожки, которые оставили на земле в целях безопасности людей.

Наш балкон находился с той стороны дома, что была обращена окнами на Юго-Восток, а потому, большую часть дня, это было самое светлое место в квартире.

Потягивая кофе, я смотрел вниз на изумрудно-зеленые кроны деревьев, которые шевелил как естественный ветер, так и воздушные толчки от проплывающих сверху вагонов. Иногда из листвы выпархивали серые длиннохвостые птички, но, долетая до второго уровня дорог, бросались обратно, напуганные сильным шумом.

Кстати, я же еще не представился. Извините. Меня зовут Витя. Полное имя – Васнецов Виктор Игоревич. Мне пятнадцать. Живу с родителями в Экологическом Районе Номер Шесть города Москвы. Правда сейчас, как вы догадались, родственников дома нет, да и появятся они, наверное, недели через три.

После освоения в двадцать втором столетии ближнего космоса, то есть Солнечной системы, безработных людей на Земле почти не осталось, ведь любая пара рук стала нужна для работы на астероидах, планетах и других космических объектах. Мои родители не отставали от прогресса и получили профессии, востребованные в современном мире. Теперь мама работает на одном из спутников Юпитера, а отец сопровождает особо опасных преступников на Плутон в ООМЗ-ПП («Особоохраняемое Место Заключения. Планета Плутон»). Их нет дома уже неделю, но чувство – будто прошел месяц.

Да, конечно, предки доставали меня своей строгостью, излишней озабоченностью моей жизнью и постоянными запретами, когда находились дома, но, когда они улетали, все, что было живо в доме вместе с ними, будто застывало на неопределенный срок – до их возвращения. С каждым разом родители улетали все на больший срок, и, я бы не удивился, если бы однажды они прислали мне на панель сообщение вроде: «Эй, сынок, мы тут остаемся навсегда. Когда подрастешь и получишь профессию, можешь навестить нас, если захочешь».

Покончив с завтраком, я засунул посуду в моечную машину и стал собираться в школу. Переоделся, положил переносной чип в карман, взял пухлый потрепанный томик стихов Пушкина (коллекционное издание еще 2048 года!) и вышел из квартиры.

Стоит сказать, наверное, что тогда я учился в одиннадцатом классе, а потому передвигаться без сопровождения мне можно было лишь в школьных вагонах или же пешком. Общественным транспортом могли пользоваться только ученики четырнадцатого – шестнадцатого класса или люди старше двадцати лет.

Простояв на остановочной платформе несколько минут в ожидании школьного вагона, я взглянул на часы. Так и есть, опоздал на десять минут.

«Ну вот, как обычно», – думал я, спускаясь на землю и отправляясь пешком в сторону школы.

Наша школа была тем учебным заведением, что рассчитано на детей среднего и старшего возраста. До девяти лет, то есть, до пятого класса, я учился в Младшей городской школе, куда добираться было очень трудно и долго. В средние классы я пошел уже в это учебное заведение, которое находилось недалеко от дома. Здесь же мне и предстояло доучиться до шестнадцатого класса, сдать экзамены и жить взрослой никчемной жизнью.

Одно опоздание повлекло за собой и другое – пришел позже на двадцать минут. Вошел в аудиторию, когда миновала треть урока истории. Едва я сделал шаг через порог, как Старик остановил меня возле двери и проскрипел:

– Юноша, почему опаздываем на урок?

– Эм-м-м... – протянул я. – Простите, Эрнест Владимирович... Я опоздал на вагон, пошел пешком...

– Что же, – прервал меня учитель. – Чтобы впредь вы не опаздывали на занятия, Васнецов, думаю, ваши одноклассники согласятся с тем, что место у доски по праву должно принадлежать сегодня вам. Прошу, – Старик приглашающим жестом указал на трибуну, не обращая внимание на смешки сидящих за партами.

Бросив взгляд на одноклассников, я с довольным лицом, по крайней мере, надеюсь, что оно такое было, подошел к тому месту, на которое мне указал преподаватель. Надеялся сделать вид, что смешки меня не задевают, но, кажется, по-

лучалось плохо. Впрочем, чего-чего, а ответа перед Стариком я не боялся. Историю я знал так же хорошо, как и литературу – на высший балл.

– Итак, мой юный друг, – протянул Эрнест Владимирович, – домашнее задание у вас спрашивать нет смысла по двум причинам: во-первых – вы, безусловно, подготовились...

– Как всегда, – донеслось с задней парты, и аудитория снова наполнилась ехидным смехом.

– ... Во-вторых, – продолжал учитель, будто ничего не заметил, – его мы уже спросили у Воронцова, который, надеюсь, теперь запомнит, как происходило строительство Великих Пирамид.

Я бросил взгляд на Илью Воронцова, который густо покраснел и теперь не выглядел таким крутым, каким хотел казаться. Еще бы! Отпрыск одной из самых богатых семей Москвы!

– Новую тему – не имею права... Что же вам задать?.. – Старик наиграно задумался. Я-то знал, что ответ уже родился в его седой голове. – Что же, Васнецов, сегодня тема нашего урока необычная, внеплановая, так сказать. Она связана с праздником, который нас ждет через несколько дней. Я про День Объединения, если кто-то все еще не понял, – он повернулся к классу. – Но вы, видимо, считаете себя слишком разбирающимся в этой теме, раз опаздываете на занятие, – Старик говорил твердо, но проступала в его старческом го-

лосе доброты. – Что ж, Васнецов, что вы можете сказать нам о Великом Объединении? Я как раз на этом остановился.

Вот что значит быть любимчиком у учителя истории! Тему Великого Объединения я изучил еще в девятом классе, так как писал по ней научную работу, хотя история преподается в школах с одиннадцатого, когда дети перешли в тот возраст, что начинают оценивать мотивы и поступки исторических деятелей объективно, а не ошибаются, начиная ненавидеть современников за дела предков.

Прочистив горло, я начал:

– Процесс Великого Объединения начался в конце двадцать первого века. В две тысячи восемьдесят восьмом году, когда мир встал на порог Третьей Мировой Войны, лидеры семи стран: России, США, Китая, Великобритании, Германии, Франции и Италии на конгрессе, который впоследствии назвали «Спасительным», решили, что все страны Земли должны существовать в согласии и мире. Проведя голосование в своих странах, лидеры посчитали, что создание Верховного Правительства... – я понял, что ошибся, бросив взгляд на Старика, который чуть нахмурил брови. – Простите, создание Единого Мирового Правительства, во главе с независимым правителем и советом из глав государств, способно кардинально решить проблемы так называемого «неравенства стран». В две тысячи сто пятом году, как раз в пятнадцатилетие Объединения в состав «Единого мира» вошли Австралия и страны СНГ, большая часть

Океании, Азии, Европы и обеих Америк. К концу двадцать второго столетия все страны мира объединились. Первым Президентом «Единства» был Иуала Бердс, возможно, азиат по происхождению, но дальше президенты воспитывались в полной секретности, чтобы страны не подняли восстаний на фоне расовой и национальной принадлежности правителя.

– А как именно избирается президент сейчас? – спросил кто-то из одноклассников. Я поднял взгляд и с удовольствием заметил, что все, кроме Ильи и его дружков, обратились в слух.

– Нынешняя система выборов напрямую зависит от того, что происходило в правительстве в самом начале. Совет, состав которого держался и держится в полной секретности, выбрал после пятилетия правления Иуалы Бердса сто детей месячного возраста (в большинстве своем неблагополучные семьи отдавали своих детей сами, чтоб только те не умерли с голоду). Им изменили имена, уничтожили все документы, связанные с их личностью и отправили на воспитание в центр на один из островов в Тихом океане.

Незадолго до достижения ими возраста двадцати пяти лет, начали происходить предвыборные дебаты и тому подобные вещи. Миру стали известны их имена (естественно новые), а так же вся биография (включая достижения, увлечения, основные черты характера) за двадцать четыре года и одиннадцать месяцев их жизни на острове. По тому, что было открыто народу, люди и избрали второго Президента

«Единства» – Эала Минта.

– А что стало с остальными?– раздался вопрос.

– Девяносто девять мужчин и женщин стали представителями Верховного Совета, ставшего выше Совета Глав государств, но ниже Президента. В их обязанности, помимо прочего, входил выбор новой сотни детей, которая через двадцать пять лет стала новым правительством. С тех пор выбор Мировой Власти происходит исключительно по такой системе.

Сейчас миром правит шестнадцатый Президент – Диомит Папро. Через пять лет, в две тысячи четыреста девяностом году пройдут выборы семнадцатого Президента «Единства».

– И что же стало с миром после создания «Единства»? – спросил Старик, убедившись, что вопросов от аудитории больше не будет.

– А что с ним могло стать?! Уже третье столетие мы живем в мире без войн, революций и подобных вещей. Наука прогрессирует, мы покоряем дальний космос. Проблемы с перенаселением планеты решены, так как были созданы колонии на многих планетах Солнечной Системы. Объединение ученых со всего мира позволило создать лекарства от многих болезней, продлить жизнь многим людям. Мир процветает, и, если ничего не нарушится, будет процветать еще ни одно тысячелетие. – Я оторвал взгляд от трибуны, на которую смотрел почти все время своего рассказа.

«Конечно, есть в мире и недовольные тем, что происхо-

дит, но, надеюсь, мне не нужно будет рассказывать о них», – подумал я, и Старик будто услышал мои мысли.

– Хорошо, садись. – Учитель незаметно мне подмигнул. – Итак, это был краткий экскурс в историю Великого Объединения, того события, которого мы никогда не должны забывать, и об этом лишний раз напоминает нам День Объединения. А теперь, все же, новая тема: «Древняя Греция».

Весь наш 11-в класс достал переносные чипы, ввел пароли, и в воздухе появилось три десятка экранов. Они были полупрозрачные, и потому учитель всегда мог видеть, чем мы занимаемся в тот или иной отрезок времени. Потому держать открытым на экране что-то помимо документа не представлялось возможным. Все уже привыкли и смирились с такой системой преподавания, но и на тех, кто этого никак не понимал, находилась управа: защитный цифровой купол над школой запрещал доступ на сайты, не касающиеся урока, проходящего в данный момент.

За записью лекции пролетело оставшееся время.

Вторым уроком на сегодня была Русская Классическая Литература.

Многие одноклассники смотрели на меня, как на умалишенного, если я приносил на урок литературы нужное произведение в печатном варианте, ведь все книги давно находились в электронном виде, а печатные издания стали пережитком прошлого, века два или три назад. Исчезли библиотеки с бумажными книгами, но отец умудрялся где-то доста-

вать всю нужную мне на семестр литературу в том виде, который был мне наиболее привлекателен.

Даже учитель редко приносил бумажные варианты (и то, только для того, чтоб дети не забывали, что такое книга и как она выглядит), но я, как говорится, был верен своим принципам.

После замечательной литературы ужасно долго тянулись уроки химии и физики, на которых я то и дело поглядывал на часы, а в четыре часа дня, выйдя из здания школы, побрел домой.

Воздух был свеж, но все же долетал иногда запах дыма от заводов, стоящих в соседних районах.

Я свернул на тропинку, проходящую под переплетенными ветвями деревьев. Ярко светило солнце, пробиваясь сквозь листву, щебетали птицы, будто оркестр, где каждый играл собственную песню. Если бы не лязг вагонов где-то далеко, но так близко, то можно было бы подумать, что находишься в лесу.

– Витёк! – раздался крик позади меня. – Подожди!

Я обернулся и увидел того, кого ожидал увидеть меньше всего.

Ко мне приближался Илья Воронцов. Мой одноклассник, никогда не упускавший случая подчеркнуть свою особенность и похвастать своими богатыми родителями. Во многом благодаря этому он был одним из самых популярных парней в школе. Он был старше меня на несколько месяцев и по-

что на полголовы выше. Так что, когда Илья стоял слишком близко, я не то что бы пугался, но опасался того, что этому мажористому мальчику придет в голову какая-нибудь бредовая идея.

Обычно сразу после школы Илья улетал на машине, на которой прибывал за ним водитель отца. Но какой же удивительный узор выстроили звезды и планеты, раз он шагал (о господи!) по земле, да еще и окликнул меня, хотя со времен первого класса перекинулся со мной несколькими словами лишь пару раз.

– Мы сегодня с ребятами идем в «Красного Киборга», – произнес парень, остановившись в двух шагах от меня и не дожидаясь моего вопроса. – Отпраздновать День Объединения, так сказать. Пойдешь с нами? – спросил он без долгих предисловий.

Сначала я потерял дар речи и, чтоб не уронить челюсть, крепко сжал зубы. Илья приглашает меня куда-то с собой и своими друзьями? Там галактики местами не поменялись, случайно? Но потом, когда отошел от шока, задумался.

«Красный Киборг» – это развлекательное заведение, как говорили между собой, «без возраста». В него приходили все – от мала до велика, и всех туда пускали. Правоохранительные органы не могли прекратить это безобразие, так как не знали, где находится этот самый «Киборг». Всем, кто побывал там, а это в основном любители выпить и наколоться, что-то подмешивали в питье и еду, отчего никто не помнил

местоположение клуба. Почти никто. Расположение его было известно немногим, но этих самых «немногих» полиции тоже найти не удавалось.

– Не знаю, – протянул я. – Если время будет. – Я надеялся, что Илья отвяжется.

Я не хотел оказаться трусом, особенно перед компанией Ильи, которая могла разнести по всей школе, что я «еще не вырос и держусь за мамкину юбку». Потому, мой отказ не был прямым, но скрылся за предположением. Но с Ильёй трюк прошел удачно (кто бы сомневался).

– Отлично, – кивнул Илья. – Если надумаешь – звони. Номер найдешь в заседалке класса.

Воронцов, махнув рукой, удалился, я же пошел домой, думая о неожиданном предложении Ильи. С чего бы ему приглашать меня – того, с кем он общается меньше всех? Нет, тут явно что-то не чисто. А что, если сказать обо всем полицейским? Пусть проследят за Ильёй и выйдут на работников «Красного киборга».

«Нет, Илье за это выпишут максимум штраф, а догадаться, кто его вдруг сдал, ему не составит труда. Да и не стучац я, раз уж на то пошло...».

В шесть часов вечера я, наконец, сделал все домашние дела и, взяв рабочую панель, открыл в воздухе светящийся экран.

– Добрый вечер, Виктор. У Вас два новых сообщения, – поприветствовал меня металлически-равнодушный голос

женщины.

– Личные сообщения, – произнес я, проведя по экрану пальцем.

– Раздел «Личные сообщения». Одно непрочитанное сообщение от пользователя Илья Воронцов, – выполнила требование женщина-из-компьютера.

Сообщение в точности повторяло слова одноклассника, сказанные мне после уроков в парке, но вот отправлено было во время занятий, что уж очень странно, ведь в здании школы все порты социальных сетей автоматически блокировались.

«Как он обошел новейшую защиту? – промелькнула первая мысль. Вторая не заставила себя долго ждать: – может, все-таки в полицию?»

Откинув навязчивую идею, я снова провел пальцем по экрану.

– Общая рассылка.

– Раздел «Общая рассылка». Одно непрочитанное сообщение. IP-адрес пользователя не обнаружен.

– Хм-м-м, – протянул я. – Вирус? – вопрос был задан воздухом, но тишина в ответ убедила меня, что надо посмотреть, что же находится в сообщении.

Переместив письмо в сдерживающую вирусы программу, я открыл его. Сообщение оказалось совсем небольшим:

«Юноши и девушки от 14 до 18 лет, Общемировой Научный Институт объявляет набор на обучение и тре-

нировку подростков для особой миссии, цель и задачи которой будут открыты лишь отобранным.

Набор ведется последующим направлениям: Физико-химическое; Физио-биологическое; Общественно-историческое; Техническое; Литературно-языковедческое; Социально-психологическое; Математическое (логическое).

Чтобы подать заявку – заполните анкету, перейдя по ссылке».

Далее прилагалась ссылка на страницу с анкетой.

Я не мог поверить своим глазам. Общемировой Научный Институт, тот самый, что был основан учеными разных стран еще в конце двадцать первого века, вел набор на профильное обучение в направлениях языкознания и истории. Поступив туда, я бы уже не хватал нули по физике или химии – эти уроки просто не преподавались бы.

Вообще, поступление в любой из ВУЗов ОНИ после окончания школы было практически невозможно, даже если все шестнадцать лет только и делал, что учился, хватал отличные баллы и каждый день побеждал в научных конференциях, а обучение там еще до окончания школы – это что-то вообще из разряда сверхъестественного!

Сам я не смог бы поступить туда, даже если бы захотел. Эпоха космической жизни отразилась на всем, в том числе и на востребованных профессиях. В наши дни, для того, чтоб поступить в один из многочисленных институтов, нужно бы-

ло сдать ряд экзаменов, в перечень которых в обязательном порядке входили и физика с химией.

Если честно, то тогда я не обратил внимания на то, что обучающиеся должны были стать участниками некой будущей миссии. Да и если бы обратил, то меня это не сильно бы и напугало, ведь в эти минуты решалась моя судьба: я мог стать кем-то, кто нужен этому миру, а не отбросом общества, который не поступил ни в один из передовых институтов и к концу жизни загнулся в архивах, разгребая древние бумаги по типу «Договоров Путина В.В. и Трампа Д.».

Недолго думая, я перешел по ссылке и начал заполнять анкету.

«Что же, поставлю родителей перед фактом», – подумал я тогда.

Пальцы забегали по сенсорному экрану, на котором появлялись пункты анкеты:

«ПОЛНОЕ ИМЯ: Васнецов Виктор Игоревич

ВОЗРАСТ: 15 лет

ДЕНЬ И МЕСЯЦ РОЖДЕНИЯ: 30 ноября

ПОЛ: мужской

ПРОФИЛЬ: ...»

Тут я задумался. Профиль можно было выбрать только один, а я метался между двумя: история или литература?

Подумав с полчаса, я пришел к выводу, что литературой я занимаюсь дольше и больше, чем историей. Последнюю вообще только в этом году начал изучать, пусть и увлекался ей

раньше. Пусть исторический профиль забирает кто-нибудь постарше, а мне и литературы хватит.

Я нажал несколько кнопок:

«ПРОФИЛЬ: Литературно-языковедческий»

В пункте *«ФОТО»* я выбрал снимок, который делали в школе для личных дел. Все строго: пиджак, галстук, рубашка; не слишком длинные волосы зачесаны набок, серьёзные голубые глаза смотрят точно в камеру, а тонкие губы стали еще тоньше, вытянувшись в ровную линию.

Довольный тем, что заполнил все пункты, я перешел на следующую страницу регистрации, и мое сердце будто превратилось в камень, упав в пятки.

Я несколько раз моргнул, надеясь, что буквы в пункте перестроятся во что-то вроде «вы приняты на обучение в ОНИ», но этого не произошло. На экране все так же горели слова:

«РАЗРЕШЕНИЕ ОТ РОДИТЕЛЕЙ/ОФИЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ (ПРИЛОЖЕННЫЙ ДОКУМЕНТ)».

«Видимо, оставить все в тайне не получится», – подумал я и стал ходить по дому, не в силах усидеть на одном месте. Я ожидал ежедневного видеозвонка от родителей и постоянно поглядывал на часы, которые уж очень медленно меняли цифры на своем табло.

Через три часа, наконец, в видео-разговоре с мамой, смог рассказать все, что произошло, и получил жесткое «нет».

– Ну, мам, – я округлил глаза в недоумении. – Почему?

– У нас нет такого количества денег. – Ее голос стал таким же металлическим, как у женщины-в-компьютере.

– Это бюджетное обучение, – сказал, лелея надежду, что так оно и есть.

– У нас нет возможности доставлять тебя туда, – мама привела еще один аргумент.

– Они сами доставляют... – начал, было, я, но меня перебили:

– Ты же сам прочитал, что все обучающиеся будут участвовать в «особой миссии»?! Может, вы будете подопытными?! Или того хуже...

– Они будут обучать нас, чтобы ставить на нас эксперименты? Ты серьезно так думаешь? – я поразился маминой логике.

– Все возможно, – она пригладила свои волосы, закрыв лицо руками, в то время как я зло выдохнул.

– Ну и что? Все равно меня ни один ВУЗ не возьмет из-за моих оценок по физике и химии, – привел я, как думал, свой самый веский аргумент. – А там ведется профильное обучение и...

– Я все сказала. – Даже не думал, что голос мамы может стать настолько похожим на звучание робота. – Подтягивай лучше уроки, а не мечтай о глупостях. Учись так, что бы тебя принял хотя бы один ВУЗ...

– Спасибо, мама! Ты так в меня веришь! – бросил я с неожиданной злостью и закрыл окно видео-звонка.

Я лег на кровать и уткнулся лицом в подушку, отбросив панель.

«Учи уроки! Подтягивай оценки! Не мечтай о глупостях! Конечно, легко тебе говорить, человеку, которого бабушка в физике и химии натакала. Прилетела бы со своего Юпитера и объяснила бы мне все, что я не понимаю!» – во мне клокотала злорада. Нужен был срочный выброс энергии, пока я не взорвался изнутри.

Неожиданно для себя я вспомнил о предложении Ильи. Схватив панель, я зашел в заседалку класса (так мы называли наш чат), и через пять минут в воздухе появилось лицо Воронцова.

– Ну? – произнес он. Тон мне показался резким.

– Илья, я сегодня иду с вами, если можно, конечно, – выпалил я и понял, какую глупость совершаю. Я прикусил язык, но было поздно.

– Хорошо. Подходи к Центральному пруду к десяти часам, – голос парня стал чуть мягче.

«Комендантский час», – предупредило подсознание.

«А ни все ли равно?» – ответила злость.

– Хорошо, я буду, – ответил я и отключил звонок.

Я был зол: на себя, на маму, на все проклятые институты – на весь мир.

В десять я был на месте.

Ночь полностью поглотила город, который выставил в

свою защиту фонари. Лязг вагонов и шум машин утихли, как и птицы, уснувшие на ветвях деревьев. Ветер перестал дуть, будто прилег отдохнуть в траве. Запахов заводов тоже не было слышно – предприятия закрылись до завтрашнего утра. Люди погружались в сон, гася свет в окнах домов.

Я стоял в тени деревьев, скрываясь как мог – даже дышал через раз, но, тем не менее, подошедший Илья сразу заметил меня.

– Пошли, Витек, – сказал он, посмотрев на меня через плечо, – остальные уже ждут нас там.

Как по мне, Илья вел себя очень неосторожно, учитывая наш возраст и комендантский час. Ему-то ничего не будет, папочка позаботится, а вот моим родителям здорово достанется. Они и так оставляют меня на свой страх и риск, зная, что их могут лишить родительских прав, докопавшись до того, что ребенок в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет остается один в доме больше, чем на неделю.

– Илья, – произнес я, следуя за одноклассником, – тебе не кажется, что мы должны хотя бы в тени идти? – мое тело сжималось, чувствуя себя в свете фонарей, как на сцене под прожекторами.

Парень лишь посмотрел на меня, как на сумасшедшего, каким я себя и считал, раз согласился идти с ним, и хмыкнул:

– Да брось, – он почесал лоб. – Если бы комендантский час действительно был столь серьезным законом, то нас бы выловили уже на выходе из дома. Пойми, наконец, что по-

лицейские тоже люди, и они не могут бодрствовать двадцать четыре часа триста шестьдесят пять дней в году.

В чем-то Илья был прав, и я, немного расслабившись, прибавил шаг. Мы двигались по аллее в северную сторону района – а дальше... Пустота.

Холодно... Очень холодно. Господи, где же это паршивое одеяло!? Я пощупал рукой вокруг себя, открыл глаза, в которые тут же ударил яркий свет из окна. Черт. Слишком ярко.

Я дал привыкнуть своим зрительным органам к свету и поднял голову, которая тут же закружилась, а к горлу тут же подступил ком. Я дополз из коридора, где я лежал на полу, до ванной и меня вывернуло. Хоть пред глазами и плясали круги, стало легче, но ненадолго. Через минуту живот снова свело, и я понял, что здесь засел надолго.

Пытался вспомнить вчерашний день – пусто. В памяти всплыли лишь последние слова Ильи о комендантском часе и то, как мы с ним шли по аллее.

Господи, ну конечно! «Красный киборг». Ага, дали бы они мне запомнить их местоположение. Наивный малый.

Я попытался встать, чтоб посмотреть на себя в зеркало, но меня тут же снова вырвало. Ужасно плохо. Ужасно...

В этот день не пошел в школу, а до самого вечера передвигался по маршруту кровать – ванная в одну и другую сторону. К восьми часам вечера в голове немного прояснилось, а тело перестало реагировать на свет, как организм вампира.

Я зашел в электронную почту и открыл сообщения, морщась от слишком громкого голоса женщины-из-машины. Их, сообщений, было около двадцати, и все как на подбор: «Почему не было в школе?», «что случилось, почему ты не в школе?» и список домашних заданий.

Лишь одно сообщение отличалось от других.

Оно было от Ильи.

«Ну, как ты?»

Илья был онлайн, и я ответил:

«Бывало и лучше. А ты как?»

«Привык уже»))»

«Ага, опытный ты наш», – подумал я с некоторым отвращением.

«Что вчера было?» – задал я вопрос в надежде, что он хоть что-то помнит из событий вчерашнего вечера.

«Я не помню ни один из таких вечеров. Да, кстати, Влад просил передать тебе, чтобы ты заглянул под дверь»

«В смысле?»

Кто такой Влад?! И откуда он знает мой адрес? Вопросы множились в геометрической прогрессии.

«Не знаю, просто проверь и все. Ладно, выздоравливай»

Значок присутствия одноклассника в сети пропал, а я, преодолевая себя, медленно пошел к двери, возле которой на лестничной площадке лежал запечатанный конверт с над-

письмю: **«ТО, ЧТО ТЫ ПРОСИЛ»**

– Что я просил? – вырвалось у меня. – И кто такой Влад? – В который раз задал этот вопрос, но на этот раз вслух.

Видимо, вчера в «Киборге» я рассказал этому самому Владу о своей проблеме с родителями, потому что, когда открыл конверт, в нем оказалось... Разрешение от родителей в ОНИ и чип с электронной копией этого документа. Конечно, они были подделкой, но выглядели, как настоящие.

«А стоит ли?» – спросил я себя, смотря на то, что могло в данный момент кардинально изменить мою жизнь.

Прислушался к своим внутренним ощущениям: одна часть меня рвалась к панели, чтобы заполнить анкету до конца, другая же пыталась вразумить первую, говоря что-то о законах и обмане. В какой-то момент даже стало страшно, но тут я вспомнил вчерашний разговор с мамой. Во мне снова вскипела злость, и уже ни секунды не задумываясь, я открыл панель, загрузил разрешение и отправил анкету, ухмыляясь то ли от злости, то ли от счастья.

Через несколько дней в школу пришло испытательное задание, состоящее из теста и нескольких письменных заданий повышенного уровня. Кроме меня анкету заполнили, видимо, еще человек десять, потому что вместе со мной ребята из параллельных классов решали свои тесты.

Через неделю моя жизнь изменилась.

Теперь уже не знаю, как к этому относиться – как к подарку судьбы, или как к наказанию...

Глава 1.

«Остров среди океана»

Москва. 11 июля

С тихим жужжанием самолет оторвался от земли и, набирая высоту, устремился вперед. Поначалу в иллюминатор можно было увидеть только землю, потом и два нижних уровня дорог, но все скрылось под морем пушистых облаков, когда мы поднялись еще выше.

«Третий уровень, – подумал я. – Над нами только космос».

При взгляде в иллюминатор захватывало дух, а от чувства высоты внутри все сжималось.

Я в первый раз был так высоко над землей. Всегда пользовался только первым уровнем, но бывало, что и на второй пару раз попадал. О третьем же и мечтать не приходилось.

В салоне самолета кроме меня сидели еще два человека.

Мужчина, пепельно-серые волосы которого были затянуты сзади в тугий хвост, сидел у иллюминатора напротив меня. На вид ему было лет тридцать, хотя в глазах, отливающих серебром, несмотря на весь строгий вид, пробегало иногда что-то такое, что редко можно было встретить во взгляде взрослого. Одет мужчина был в костюм цвета идентичного волосам, рукава которого едва не расползались по швам на

мощных руках.

В кресле рядом с ним сидела невысокая стройная женщина. В ее темно-синих глазах читалась уверенность и нестигаемость. Волосы цвета осенних листьев едва доставали до плеч. Черный костюм, отливающий синим, сидел на ней, как на манекене.

Именно они пришли с утра в школу и теперь сопровождали меня повсюду.

В девять я, как обычно, был на занятиях. Снова среда и снова история первым уроком. Не успел Старик задать вопрос по домашнему заданию, как в класс вошли эти двое. Хмурые, словно грозовое небо, они протянули Эрнесту Владимировичу какой-то листок и повернулись к классу лицом.

– Кто из вас Виктор Васнецов? – спросила женщина.

«Кто это? Неужели узнали о том, что я был в «Красном киборге»? Или всплыла информация о родителях? Господи, это что, полиция? Узнали, что я живу один?!»

Я встал, борясь с желанием выброситься в окно.

Мужчина коротко кивнул на дверь. Мой взгляд упал на Старика в поисках поддержки, но тот лишь сказал, чтоб я собирал вещи и, почему-то, улыбнулся.

На негнущихся ногах я вышел в коридор, и лишь тогда спросил у пришедших, что им нужно от меня.

– По результатам теста Вы приняты на обучение в Общемировой Научный Институт, – ответил мужчина. – У вас есть

два часа на сборы. Личный самолет Президента вылетает в одиннадцать часов утра по московскому времени.

Теперь дар речи у меня пропал окончательно. Я стоял, хватая ртом воздух, а в голове, в такт с бешеным биением сердца, пульсировала лишь одна мысль: «Я буду учиться в ОНИ. Я прошел вступительные испытания...»

– Идемте, – сказала нам женщина. – У нас не так много времени.

Я не мог отойти от потрясения, ни пока выходил из школы, ни пока летел домой на комфортном автомобиле, ни пока собирал вещи.

Перед тем, как закрыть квартиру, я окинул свое жилище взглядом, и мое сердце кольнуло, когда подумал, что улетаю из дома без разрешения родителей, которые должны были вернуться домой через неделю. Да что там без разрешения – против их воли!

Я написал на панели, лежащей на столе: «*Мама и папа, я теперь ученик ОНИ. Потом все объясню*», – подключил ее к системе питания, и, посчитав, что этого достаточно (как же ошибался!), закрыл дверь и вышел на улицу.

В одиннадцать часов я уже сидел в салоне самолета. Стены были обшиты бежевой кожей, так же как и мягкие удобные кресла с широкими ремнями. Центр салона занимал белый стол, а лампы над ним лили ровный свет. Больше в салоне ничего не было, по крайней мере, в этом его отделении.

За час пути никто из нас не проронил ни слова. Да и о чем разговаривать с незнакомыми людьми?

Я все время смотрел в иллюминатор, изредка поглядывая на своих спутников, которые, впрочем, тоже не спешили заговаривать бесед, даже друг с другом.

– Простите, а сколько мы будем лететь? – спросил я, нарушая затянувшееся молчание.

– Еще около двух часов, – ответила женщина, перебирая какие-то бумаги и даже не взглянув в мою сторону.

«Странно. В наш-то век хранить документы в печатном варианте?..»

Я наклонился, насколько это позволял сделать ремень, к мужчине, который повернул ко мне голову, и тихо, чтоб не мешать его соседке, спросил:

– Как Вас зовут?

Да, это странно – узнавать имя человека, сопровождающего тебя уже больше трех часов, через столько времени. Но, лучше поздно, чем никогда, правда?

– Димитрий, – громко ответил он и, кивнув на нашу спутницу, добавил: – а это – Инга.

Женщина не обращала на нас внимания, погружившись с головой в изучение документов.

– А Вы не знаете, где мы сейчас находимся? – я выглянул в иллюминатор, не увидев ничего, кроме облачного моря.

– Давай перейдем сразу на «ты». Нам теперь придется находиться рядом не меньше двенадцати часов в сутки. Так

что, если мы не хотим испытывать от присутствия друг друга... Эм-м-м... Дискомфорт, то лучше – сразу на «ты». Хорошо? – он подмигнул и улыбнулся.

– Хорошо. Получается, вы с Ингой что-то вроде охраны? – я, конечно, был поражен, что к старшим, да еще и почти не знакомым людям, сказали обращаться – «ты». Не так меня воспитывали. Хотя, и общался-то раньше из взрослых в основном с учителями.

– В данный момент, скорее – сопровождающие, – исправил меня мужчина. – Но, да, мы и охрана, ты прав.

«Круто». Внутри у меня боролись противоречивые чувства: с одной стороны – восторг от того, что у меня есть личная охрана, но с другой – было не очень приятно осознавать, что они будут со мной почти всегда.

«Надеюсь, в известных местах Димитрия рядом не будет».

– Так, где мы находимся? – вернулся я к вопросу.

На несколько секунд облака пропали, показав, как далеко находится земля, и тут же снова сомкнулись плотным слоем.

– Сейчас пролетаем над Ланьчжоу, – произнес мужчина, сверяясь с часами. – Через двадцать минут пересечем линию континента и полетим над Тихим океаном.

«Ланьчжоу... Что-то знакомое...»

– Китай? – я хотел проверить свои догадки, и это случилось, когда услышал утвердительный ответ.

Еще час пути пролетел за нашим с Димитрием разгово-

ром, из которого я узнал, что они с Ингой все же по национальности – русские, и что мужчина носит такое имя из-за ошибки в чипе рождения.

– Нет, его, конечно, можно было и исправить, – объяснил он, – но мама сказала, что это – судьба, и не стала снова делать меня «Дмитрием». Теперь лишняя гласная в моем имени – особенность.

Позже к нашему разговору присоединилась Инга. Она сложила бумаги в папку и повернулась к нам.

– А куда мы сейчас летим? – мое любопытство не знало границ.

– На остров, – ответил Димитрий, посчитав, видимо, что только это мне и нужно знать.

– Он называется Поррод, – дополнила Инга. – Там вы будете учиться вплоть до миссии... – она закусила нижнюю губу, и я понял, что сопровождающая сказала лишнее.

На остальные вопросы, если они, хоть как-то, касались темы будущей «миссии», охранники не отвечали – либо делали вид, что не слышали и переводили тему разговора, либо просто молчали.

– Ну, расскажите тогда хотя бы, как устроен остров, – не выдержал я игнорирования.

– Остров был создан не природой, – тут же начала Инга. – Точнее – природой, но не естественным, а искусственным путем. Нет, опять не так... – на пару секунд женщина замолчала. – В общем, в том месте, где он находится, был вул-

кан, который пробудили. Лава, вытекая, застыла, образовав основание острова. Потом остались «мелочи»: плодородная земля, растительность... В центре острова находится невысокая гора, с водопадом. Возле нее – здание школы. По самому острову раскиданы семь домов для учеников (охрана живет вместе с вами). Ну, и, конечно же, чего не отнимешь у лежащих близ экватора островов – климат и природа.

– Ага, знаем – пальмы, море, песок... – я поджал губы, стараясь не злиться на то, что после получасового игнорирования Инга была готова говорить очень долго.

– Именно. Но, вот посадочной полосы там нет, – хмыкнул Димитрий.

– В смысле?! – мои глаза округлились. – Если ее там нет, как приземлится самолет?!

– Не бойся, а дослушай, – Инга положила руку мне на колено, как бы успокаивая. – Мы прилетаем на Президентский остров, а потом сразу пересаживаемся на новейший корабль серии "D.SIX" и плывем на Поррод.

Она сказала это так, будто перелеты и плавания – повседневные вещи. Хотя, наверное, для них так и есть.

– И сколько нам еще лететь? – спросил я.

– Минут сорок, не больше, – Димитрий откинулся на спинку кресла. – А плыть потом и того меньше. Корабль нам достался быстрый.

Неожиданно он выпрямился и приложил пальцы к уху. Точнее к наушнику, который я сначала не рассмотрел. Вы-

слушав то, что ему сказали, мужчина повернулся к нам.

– Самолет выводят на другую линию. – Он посмотрел на Ингу. – Займет несколько минут, во время которых будет сильно трясти, – это уже было обращение ко мне.

– Что случилось? – спросила женщина, потуже затянув ремень.

– На нашей линии сейчас сильнейший ураган. Возможно, даже нарушения магнитных полей... В общем, перестраиваемся на линию России. Лететь будем минут на двадцать – тридцать больше, – пояснил Димитрий.

Охранник тоже стянул ремни и закрыл глаза.

– Вообще, летать мне нравится меньше, чем плавать, – неожиданно спокойно произнес он.

А потом мне стало казаться, что Димитрий умер. Нет, правда. Когда началась тряска (а это, наверное, пренеприятнейшее, что есть в полетах), все мои органы стали биться друг об друга так, что я постоянно морщился и сжимал зубы, чтобы они не сломались от стука. Инга вцепилась в кресло так, что, казалось, кожа на локотниках лопнет, и чуть заметно шевелила губами, при этом глаза ее бегали туда-сюда. Димитрий же сидел с каменным выражением лица, а мышцы шеи не были напряжены. Когда же все закончилось, он открыл глаза и как ни в чем небывало, спросил:

– Ну, как полет? – он улыбнулся, и от его оптимизма мне стало еще дурнее.

Мы приземлились через час. Шасси коснулось посадоч-

ной полосы, отчего произошел легкий толчок. Ещё минута передвижения по асфальтированной дорожке, и самолет остановился. Но после посадки охранники сказали сидеть на месте еще около десяти минут, говоря что-то о «непривычке к полетам и возможном головокружении», а потом стали почти выталкивать меня, говоря поторапливаться, иначе – опоздаем.

Посадочная полоса Президентского острова представляла собой пышущую тропическим жаром асфальтированную площадку, окруженную экзотическими деревьями. Шириной в тридцать – сорок метров она заканчивалась у самого моря метрах в ста от нас.

Далеко на острове светился красным, отражая лучи заходящего солнца, Президентский дворец. Стояла невыносимая жара, несмотря на вечерний час. С каждой минутой тени все больше удлинялись, а листья пальм превращались в огненные языки, впитывая солнечный свет.

Я вспомнил о доме, о том, как мы с родителями иногда сидели на балконе и любовались на заходящее солнце. Обзор в такие минуты ничто не загоразивало: деревья находились внизу, а транспортные линии перекрывались в восемь вечера, – потому мы спокойно любовались небом (солнцем – никогда, потому что увидеть его с нашего балкона в вечернее время – нереально). Мое сердце сжалось. Такие моменты бывали редко, но как же мы все были счастливы. А что

теперь? Смогут ли родители простить мой побег?

«Не стоит об этом сейчас, – постарался успокоить себя. – Не время. Держи себя в руках».

– Дмитрий, – обратился я к охраннику дрожащим голосом, когда мы почти бежали к пристани. – Который час?

Мужчина встал как вкопанный, посмотрел на запястье и нажал на браслете кнопку. В воздухе появились два циферблата, которые показывали разное время.

– В Москве – половина третьего дня. Здесь – половина девятого вечера, – ответил охранник.

– Ого, – только и сказал я, думая о шестичасовой разнице. – Серьезные различия...

Волны с тихим шуршанием облизывали песок, унося с каждым разом обратно частичку суши. Солнце делало их похожими на беззубые челюсти старика – красные десны с пенкой слюны.

Мы двигались по аллее, дорожки которой были усыпаны гравием и огорожены низкими заборчиками, отделяющими с одной стороны от песчаного пляжа, а с другой – от темных наступающих джунглей.

«Красиво тут... Только великие люди могли создать остров из ничего, да еще такой прекрасный. Жаль, что родители этого не видят. – Я встрепенулся и закричал на себя мысленно. – Опять начал?!»

Мы поднялись на палубу небольшого лайнера и сели на диванчики в просторной каюте. Стены здесь были обиты де-

ревянными панелями, а пол застелен толстым ковром светло-коричневого цвета.

Димитрий подошел к шкафу, стоящему возле стены и достал из него бутылки с водой. Он подал по одной нам с Ингой и, сев на диван, несколькими глотками почти опустошил свою.

Прохладная вода была сейчас как нельзя кстати.

– А почему мы никуда не плывем? – спросил я, утолив жажду.

Ответом мне стала открывшаяся дверь каюты, в которую вошел долговязый мужчина в синем костюме. За ним появилась девушка-азиатка лет шестнадцати. Длинные с одной стороны, но короткие с другой черные волосы, острый нос и тонкие губы. Одета она была в серые просторные штаны, оголяющие щиколотки, и легкую кофту сине-зеленой расцветки. Девушка бросила взгляд карих (на мгновение наши взоры встретились) глаз вокруг и села на кресло с другой стороны каюты. Сразу за ней шла женщина в сером костюме. На плече у нее лежали каштановые волосы, заплетенные в толстую косу. Она кивнула моим сопровождающим и заняла место рядом с «подопечной».

Азиатка воткнула наушники и, закрыв глаза, откинулась на спинку кресла, чуть покачивая головой в такт играющей мелодии.

Увидеть сейчас человека, который так же прошел отбор на обучение в ОНИ, было неожиданно.

– А это... – я посмотрел на азиатку, как бы говоря охраннику: «Познакомь нас».

– Ученица. – «Как будто это не понятно». – Не помню, на какой профиль она...

– А если спросить?

– Вряд ли она понимает русский, а ты – китайский, – неуверенно пробормотал мужчина, посмотрев на меня так, будто я, опровергну его слова.

– А на общем? – Поймав себя на том, что все еще смотрю на девушку, отвернулся. – Общий-то она знает?

– Сейчас спрошу, – Димитрий ухмыльнулся и повисил голос, обращаясь к сопровождающим китаянки: – Эми, Янь Сяоцзе понимает общий язык? – он спросил это на общем, хотя слова «Сяоцзе» я не знал.

«Может быть, имя?»

Эми аккуратно тронула китаянку за плечо и спросила что-то на не понятном мне языке.

Девушка лишь коротко качнула головой и снова погрузилась в музыку, а Эми повторила «нет» азиатки на общем, а Димитрий передал это мне уже по-русски.

– Да понял я, понял, – закрыв глаза на мгновение, откинулся на спинку кресла.

Этого было вполне ожидаемо. Общий язык изучается в школах с двенадцатого класса, но в каком учится китаянка – не понятно. Об этом я и сказал Димитрию.

– А откуда тогда ты его знаешь? В пятнадцать и в одиннадцатом классе? – его ирония не укрылась от меня.

– Ходил на кружок к языковеду, – отмахнулся я. – А как ты ее назвал? Янь...

–... Сяоцзе, – сказал охранник, но поняв, что жду объяснений, продолжил. – Вообще ее зовут Янь Сюин. Янь – фамилия. «Сяоцзе» с китайского – мисс. Это слово употребляется в том случае, если ты не знаком близко с человеком.

– Вон оно что... – теперь пришло время удивляться тому, что Димитрий так хорошо знает китайский этикет.

Корабль, как и говорил Димитрий, оказался действительно очень быстрым, и через полчаса, когда солнце уже потонуло в водах Тихого океана, оставив в напоминание о себе лишь кровавую линию на горизонте, мы ступили на деревянный причал острова Поррод. Доски чуть скрипнули, принимая вес шестерых людей.

Было гораздо прохладнее, нежели на Президентском острове. На небе стали появляться первые звезды, а тишину ночного острова нарушали лишь плеск волн и редкие сонные крики птиц.

От пристани в джунгли вела дорожка, ширина которой позволила бы парковаться здесь летающему автомобилю. Вместо заборчиков по сторонам тут выстроились фонари, которые в высоту были чуть выше колен взрослого человека. Они лили серебристый свет на белые и серые камни, разбав-

для их более таинственными тонами.

Мы углубились в лес, оставив шум прибоя позади, но нырнув в море стрекота цикад. Фонари выхватывали из темноты причудливых форм растения, цветы всевозможных размеров и расцветок.

«Рай для ботаника», – подумал я и увидел, что Сюин останавливается почти ежесекундно. Она сунула свою небольшую сумочку Эми, а сама перебежала от растения к растению: вот девушка у высокого дерева с красными цветами, а вот уже перебирает пальцами мелкие синие лепестки.

Да, здесь было прекрасно: свежий воздух, обилие растительности, приятный климат – каждый из нас это чувствовал. С городом не сравнится, даже с экологическим районом.

А с космосом тем более. Где-то там сейчас, высоко над нами, родители разделены огромным расстоянием. Вокруг только звезды, пыль и железо. А здесь все по-другому.

Во мне снова зашевелился червячок совести, которого я пытался игнорировать.

– Ну, вот тут мы и разойдемся, – сказала Инга на общем языке, когда мы подошли к развилке.

Кивнув друг другу, охранники пошли по разным дорожкам, но на мой прощальный взмах рукой Сюин ответила ледяным взглядом.

«А чего ты хотел, – спросил я у себя, следуя за сопровождающими – дружеских объятий?»

Дорожка, освещенная фонарями синего цвета, привела нас к досчатому забору, окружавшему участок, который отсюда нельзя было разглядеть – между досками не было даже щели.

– Ну, что, Виктор Игоревич, вы готовы увидеть свой новый дом? – спросил Димитрий голосом швейцара, который интересуется у гостя, угодно ли ему снять верхнюю одежду.

Удивительно, но за столь короткое время мы стали с ним друзьями и уже не обращали внимания на четырнадцатилетнюю разницу в возрасте.

– Готов, – ответил я тоном гостя, отдающего пальто швейцару.

Димитрий, поклонившись, толкнул невысокие ворота, и я потерял дар речи второй раз за один день. Мой новый дом оказался двухэтажным строением с балконом, огромными окнами и высокой террасой.

Строение окружало цветочное море, островом среди которого стояла одинокая беседка. Дорожка, пробегающая через сад, разделялась надвое: одна часть ее вела к дому, а другая – к гамаку, натянутому между двумя пальмами.

– С другой стороны дома – бассейн, а также несколько шезлонгов и зонты от солнца, – произнесла Инга. – Ты его еще внутри не видел, – улыбнулась она, заметив, наверное, мое удивленное лицо.

Дом, после нашей маленькой квартиры в Москве, показался мне Президентским дворцом: кухня, столовая, гости-

ная, ванная и тренажерная комната находились на первом этаже. Три спальни, две гостевые комнаты, еще по одной ванной, гостиной и даже – что немаловажно – библиотека (только представьте!) с печатными копиями книг – на втором.

– А где остальные ученики? – спросил я, стягивая кроссовки и осматриваясь. – Много нас? Все из разных стран? И...

– Постой, – Инга прервала мой поток вопросов. – Ты здесь – один. Ну, не считая нас, конечно. У каждого ученика свой дом. – Пояснила женщина.

– Но, вы говорили, что домов вокруг школы – семь, – я сморщил лоб.

– Да, так и есть.

– Но где же живут остальные ученики?

Инга посмотрела на меня так, как учителя смотрят на ученика, который сказал глупость.

– То есть – нас всего СЕМЬ?! – не поверил я.

– Да, – Дмитрий скинул туфли и прошел вглубь дома. – По одному ученику на каждое профильное направление, – крикнул он уже из другой комнаты.

– А есть кто-то еще из России? – вопросов у меня, конечно, было много, но вот ответы изменяли их количество не в сторону уменьшения.

– Нет, все ученики из разных стран, – Дмитрий вышел в коридор. – Ну, хватит вопросов, – сказал он, прежде чем с языка у меня слетело хоть слово. – Располагайся в своей

комнате и спускайся на ужин. Комната последняя по коридору. Самые большие двери – не перепутаешь.

Говоря о дверях, Димитрий несколько не преувеличил, но вот о том, что меня может хватить удар при виде моей комнаты, упомянуть забыл: огромная кровать с пологом (И не «умная»!), диван, два кресла, игровая и телевизионная панели, стол, два стула, шкаф для всяких мелочей и двери: одна – в гардероб, другая – на балкон.

Времени любоваться новым жилищем сейчас не было: живот настойчиво повторял одну и ту же просьбу уже почти час, и у меня не оставалось иного выбора, только как согласиться с ним.

Кинув сумку с вещами на кровать, и, переодевшись в шорты и футболку, я спустился в столовую, где уже был Димитрий. В майке и спортивных штанах он выглядел уже не так солидно, как весь прошедший день, но все-таки грозно из-за мускулистых рук.

– О, пришел. Ты что будешь есть? – спросил он, нажимая кнопки на кухонной панели.

– А что есть? – я сел за стол.

– Та-а-ак, – протянул мужчина, заглянув в холодильник. – Котлеты – куриные и свиные, картофель трех видов...

Дальше началось перечисление знакомых и незнакомых мне блюд. На пятой минуте оглашения меню я остановил охранника и спросил:

– Там что, вместо еды список всех блюд мира?

– Нет, я говорю о том, что можно из продуктов приготовить, – он задумался. – Впрочем, у меня сейчас нет ни настроения, ни сил что-то делать, потому, давай, я облегчу тебе выбор.

Он поставил передо мной тарелку с картофельным пюре и двумя куриными котлетами, миску с салатом из свежих овощей.

– Какой сок пить будешь? – спросил он.

– А что, здесь выбор не облегчаешь?

– Ну, у нас все-таки демократия, – усмехнулся он. – Так какова воля народа?

– Апельсиновый буду, – буркнул я.

– Хозяин – барин, – мужчина достал пару апельсинов и, очистив, бросил их в соковыжималку.

Себе он сделал омлет и плеснул кофе.

– Кофе в ночь? – удивился я.

– Мне он помогает успокоиться, а спать не мешает, – пожал плечами Димитрий.

Когда мы съели добрую половину ужина, в столовую вошла Инга.

– Что-то ты долго, – прокомментировал ее приход мужчина.

– С каких это пор тебя стали волновать мои временные передвижения? – она взяла запеканку из холодильника и под села к нам.

– Занятия начинаются в пятницу, – обратилась она ко мне. – Уроки с десяти утра до шести вечера, семь дней в неделю. Каждые вторые суббота и воскресенье – выходные. Все уроки, кроме профильных предметов, а для тебя это – языковедение, литература и искусствоведение, проводятся сразу у семи человек. Ну, вроде бы все. Будут вопросы – обращайся.

– То есть, уроки у нас двенадцать дней, а потом – два выходных? – не помедлил я с вопросом, пытаюсь переварить полученную информацию.

– Да, именно, – Инга насадила на вилку кусочек запеканки.

– А почему у меня профильный предмет искусствоведение? Профиль-то гуманитарный.

– Этого я тебе сказать не могу, так как программа обучения составляется в ОНИ.

Остаток трапезы мы провели в молчании.

После ужина я поднялся к себе и, включив телевизионную панель, чтобы заглушить гнетущую тишину, принялся разбирать вещи. На пустые полки шкафа я положил тетради с записями (некоторые свои идеи я предпочитаю хранить в таком виде) и разные мелкие вещицы. Хотел поместить одежду в гардероб, но понял, что вряд ли найду там место, потому что все было забито. Одежда, обувь – все было новое, и все было только для меня (не понимаю, как ОНИ узнали размер

моих вещей). И все же, после некоторых усилий, мне удалось пристроить сумку.

Я вышел в комнату и сел на диван. На плазменном экране высветилось лицо ведущей.

– Режим чрезвычайной ситуации объявлен на Японских островах. Несколько часов назад сильнейшее землетрясение, повлекшее за собой разрушительное цунами, произошло близ острова Хоккайдо...

«Странно, что ученые не предугадали этого...»

– ...Первым под удар попал японский город Вакканай, но благодаря подготовке японских властей к подобной ситуации, жертв удалось избежать. Цунами, вызванное землетрясением, достигло острова Сахалин, входящего в состав Российской Федерации, а так же материковых берегов России. Напоминаем, что это уже шестой случай землетрясений в мире за три дня. Чего нам ожидать дальше? Репортаж Кима Ларенса.

На экране стали появляться кадры, сделанные в Японии сегодня: деревья, вырванные с корнем, дома, а точнее то, что от них осталось, несчастные лица людей...

Оставив программу разговаривать с пустой комнатой, я вышел на балкон. Спать совершенно не хотелось, хотя усталость чувствовалась очень сильно. Может быть, это из-за часовых поясов, а может – из-за пережитых сегодня эмоций.

Тихий треск цикад разлетался над деревьями, ветер играл с листьями пальм, где-то пронзительно кричала птица – вот

и все ночные звуки острова. Ни тебе лязга вагонов, ни шума машин, ни крика людей. Невозможно было поверить, что в постиндустриальном мире остались места, пусть и искусственные, настолько непохожие на город.

Но природные звуки навевали тоску. Я снова вспомнил о родителях, представил их лица в тот момент, когда записка будет прочитана. Сейчас отдал бы все, чтоб вернуться в день, когда согласился идти в бар, и уговаривал, уговаривал бы маму. Не пустила бы? У меня есть еще и отец. Как же я забыл о нем тогда?! Он-то находит с мамой общий язык. Теперь все казалось так просто, но... невозвратно. Не вернуть того момента, когда злость пересилила здравый смысл, и я, нарушая добрый десяток законов, ринулся в этот чертов бар! Что же будет теперь?

В носу неприятно защипало, и я постарался отогнать мысли о родителях. Далеко они не ушли, но немного все же отступили.

В нескольких сотнях метров – и с левой стороны, и с правой – над лесом поднимались освещенные крыши домов других учеников. Интересно, кто они?.. Хотелось как можно быстрее познакомиться с ними, хотя бы для того, чтобы проводить время не в одиночку.

Впереди высилась гора, закрывающая часть неба. Не такая уж она и низкая, как говорила Инга. Где-то у ее подножья стояла школа, которая была готова принять нас уже через пару дней. Сложно будет, или легко?

«Какая разница? – подумал я. – Ты хотел обучаться здесь, теперь не ной...»

Я оперся локтями о перила и продолжил смотреть на звездное небо.

Из комнаты донесся звон, оторвавший меня от размышлений.

«Кто это?» – была первая мысль.

Я взял панель в комнате и, вернувшись на балкон, открыл видео-звонок. Я уже догадывался, кто это звонит, и собирался ринуться в объяснения и извинения, но...

– Васнецов! Что это значит?! – раздался крик. – Где ты есть?! Да что же это такое! Я, ничего не подозревая, приезжаю домой, а тут меня уже ждет отец, приехавший чуть раньше, с запиской в руках! Что это значит?! – мама набрала в легкие воздуха. – Мы с отцом, значит, договорились прилететь домой на неделю раньше, чтоб сделать тебе сюрприз, а сюрприз ожидает нас!

Я протянул руку, чтобы убавить звук панели – Инга и Дмитрий, скорее всего, уже легли, – но снова раздался крик, заставивший меня застыть:

– Не смей убавлять меня! Где это видано?! Сын убавляет родную мать! Нет, дорогой мой, ты выслушаешь меня, а потом уже делай со своей панелью – все что хочешь! Понятно?

– Марина, – раздался голос отца, и я увидел его руку на плече матери.

– Не успокаивай меня, Игорь! Он уехал без спроса! Он оставил все и уехал! Ему плевать на квартиру, и на родителей!..

И тут я вскипел. Теперь мне стыдно, но тогда был готов сказать все, что угодно.

– Это тебе наплевать на меня, – прервал я тираду слов. – Ты знала, что я хочу учиться в ОНИ, еще с того времени, как я пошел в первый класс. Ты знала это, когда я спрашивал у тебя разрешения учиться здесь – и это была реальная возможность. Ты знаешь это и теперь, когда я прошел все вступительные испытания, и меня выбрали из всего – слышишь? – из ВСЕГО МИРА на этот профиль! Но и теперь ты хочешь меня лишить этой возможности! – крикнул я и выплюнул последнее предложение: – Огромное спасибо, мама!

Я резко и незаметно провел пальцем по экрану, и звук панели пропал.

Родительница еще несколько минут кричала, считая, что я ее слышу, но вскоре, по выражению ее лица я понял, что число проговариваемых слов за минуту уменьшилось. Я включил звук, надеясь, что больше не попаду под расстрел, но получил в сердце решающую пулю в этой перестрелке:

– Завтра я тебя заберу.

Рука захлопнула панель.

Обида и тяжесть навалились на меня, мешая спокойно дышать. Я снова оперся о перила и смотрел вниз на море колы-

хающихся цветов.

«А что ты хотел, олух? – ругал я себя. – Ты знал, догадывался, что все будет именно так. В конце концов, это не они, а ты обманул всех. Именно ты скрыл все, что сделал и спокойно ушел из дома!»

Я задумался о том, что меня ждет, если родители все же заберут меня отсюда. Да, позор среди одноклассников, наказание дома. Ну а потом? Переход в старшую школу, учеба в пятнадцатом и шестнадцатом классах, сдача выпускных экзаменов. А после школы куда? Ни нормального высшего образования, ни нормальной работы, а следовательно, ни нормальных жизненных условий. Ни семьи, ни друзей. Ничего.

Хотя я дал понять, что разговор окончен, панель продолжала трезвонить. Схватив ее, я открыл экран, и хотел было закричать, как увидел уставшее лицо отца. Злость как рукой сняло, и я понял, что был слишком резок с ними. Их можно понять. И я, наконец, должен был сделать это.

– Папа? – думал, что это будет уверенно, но вышел лишь жалкий писк.

– Да, я, – он улыбнулся, и мне стало стыдно за крики. – Как ты там? Как добрались? – его голос звучал так, будто несколько минут назад вообще ничего не происходило.

– Хорошо... добрались. А где...

– Мама в ванной, – он вздохнул. – Не злись и не обижайся на нее. Она хочет как лучше, правда. Мы все знаем, чем для тебя является это обучение. Какие шансы оно дает... – отец

вздыхнул. – Я поговорю с ней. Она все поймет. Завтра мы позвоним и скажем наше окончательное решение. Ложись спать, у вас, наверное, уже поздно. Спокойной ночи.

Экран пропал.

«И этот туда же!»

Стоило мне подумать, что отец понимает меня и сможет переубедить маму, как он произнес: «СКАЖЕМ окончательное решение».

Злость снова стала нарастать во мне. Он же глава семьи, а идет на поводу у матери. Сказал бы, мол, мой сын будет учиться в ОНИ и точка. Для обучения достаточно согласия одного родителя.

«У тебя же есть разрешение», – хитро сказал мне мозг.

Нахлынула новая волна паники связанная с тем, что родители все же захотят забрать меня, а им покажут разрешение. Они скажут, что не подписывали и...

– Уголовная ответственность с пятнадцати, – прошептал я и стал трясти головой, чтобы прогнать эти мысли. – Вот придурок! – обругал сам себя.

Меня стали раздражать и цикады, и ветер, и крики птиц. Я вошел в комнату, выключил телевизор, разделся и лег в постель. Долго не мог уснуть, но усталость сделала свое дело.

– Проснись и пой, мой юный друг! – закричал влетевший в комнату Димитрий.

– Ты сдурел? – воскликнул я, когда он включил телевизор

на полную громкость.

– Уже половина десятого. И кто из нас сдурел? – мужчина открыл балконную дверь, впуская в комнату утренний тропический ветер, отчего я еще сильнее закутался в одеяло. – Одевайся. Завтрак на столе, я буду в тренажерке... а Инга... куда-то сбежала. Так что – не теряй нас.

Димитрий вышел, а я, попробовав снова уснуть, но расставшись с этой идеей, встал с кровати, натянул шорты и футболку и побрел умываться.

Выполнив все утренние процедуры, спустился в столовую, где ждал завтрак: кофе, булочки и сырная запеканка. Я думал, что не проголодался, но, когда сладкий запах еды достиг моего носа, живот глухо заурчал.

– Не переживай, сейчас наедемся.

Просидев за столом минут двадцать, а то и полчаса, я вышел на террасу и осмотрелся.

Цветы в саду уже раскрылись, их яркие лепестки переливались в лучах утреннего солнца. Там, где на растения падала тень, блестели крупные бусины росы, хотя и они скоро должны были улететь в небо. Было прохладно, в частности из-за соленого морского ветра.

Я прошелся до беседки, потом обратно; до гамака и снова на террасу. Вернулся в дом, полистал каналы на панели, спустился вниз, перекусил, поднялся обратно в комнату, вышел на балкон, снова включил телевизор.

– Как же скучно! – воскликнул я и упал на кровать.

В комнату влетел какой-то тропический жук. Он сел на стену и пополз по ней к полкам, где лежали мои тетради.

Точно! Я вспомнил про библиотеку, которая была в доме, и отправился на ее поиски, что в прочем было одной из самых легких задач.

Библиотека оказалась комнатой – размером чуть меньше моей, – заставленной книжными шкафами. Сами книги, которых тут было явно больше сотни, стояли по жанрам. Я взял случайную книгу – сейчас не вспомню названия, но это была какая-то современная фантастика о путешествии в параллельный мир через черную дыру, сел к окну и пропал.

Очнулся на предпоследней главе, когда Димитрий кричал на весь дом:

– Викто-о-ор! – он делал ударение на букву «о». – Где ты пропал?

Я взглянул на часы, висевшие над дверью. Четыре – пятнадцать.

«Ого...»

– Викто-о-ор! – не унимался Димитрий. – Вы решили, что этот бранный мир недостоин ваших светлых речей?

– Да здесь я, здесь!

– Здесь – я, а вы, Викто-о-ор, – там! – мужчина, видимо, уже поднялся на второй этаж.

Я решил выйти к Димитрию сам. Но мое тело затекло от однообразного положения возле окна.

Димитрий вскинул брови, заглянув в библиотеку и увидев

меня в согнутом виде с рукой на поясице, затем перевел взгляд на пятисотстраничный том и произнес уже нормальным голосом:

– Там Инга перекусить приготовила... Спускайся, если хочешь.

Охранники сидели за столом, что-то оживленно обсуждая. Я остановился на лестнице, чтобы услышать разговор, ведь они от меня скрывали все.

– Ты уверена? – спросил Димитрий у Инги.

– На сто процентов. Можешь проверить сам.

– Но... ведь там не может быть землетрясений. Как же...

– Ну, я этого не знаю. Спроси у природы. В конце концов, она в ответе за все, что сейчас происходит. Включая твое непонимание.

Да, не это я надеялся услышать. Разговоры о природных катаклизмах не входили в этом доме в список «совершенно секретно».

– Вы говорите о землетрясениях? – спросил я, входя в столовую.

– Да, именно о них, – Димитрий подал мне графин с яблочным соком.

– И где на этот раз? – я плеснул сок в стакан и насадил на вилку сырную запеканку.

– Лондон, – Инга провела рукой по волосам. – А еще разлом в Сибири. Где-то у границы с Казахстаном.

– Но...

– Да, Димитрий тоже говорил об этом, – будто прочитала мои мысли Инга. – Хотя там никогда не было ничего подобного – это все же случилось.

– Получается, уже восемь происшествий за четыре дня? – спросил я, прожевав еду.

– Девять, – поправил меня Димитрий.

Инга посмотрела на него испепеляющим взглядом, но мужчина проигнорировал его и продолжил.

– Одно засекретили, но тебе, думаю, можно рассказать.

«Да неужели? Раскрытие секретных материалов раньше срока?»

– Зачем ему это? – женщина решила обратить на себя внимание словами. – Ты ведь не интересуешься геологией? – спросила она у меня.

– Нет, – ответил я и, прежде чем Инга успела победно усмехнуться, продолжил. – Но, о том, что происходит в мире, мне интересно знать.

– Отлично! – воскликнула телохранительница. – Делайте что хотите! – Она подняла ладони, раскрыв их и выпустив салфетку. – Только меня не впутывайте.

– Самое первое происшествие, – продолжил тем временем Димитрий, – произошло не в Африке, а в Антарктиде. Как говорили: земля затряслась, а потом произошел обвал льда, закрывший собой около десятка населенных пунктов. Но это дело быстро удалили из всех СМИ, дабы не сеять панику, а

обвал списали на «таяние ледников и утончение связующих звеньев ледовых масс». Так что, сегодняшние происшествия – восьмое и девятое.

– Так, почему тогда остальным дали огласку?

– Скрыть остальное уже не получилось. – Пояснил Дмитрий. – А про первое уже не стали рассказывать, чтобы не сеять, на этот раз, недоверие.

– Почему же происходят все эти... катаклизмы?

– Никто не знает, – произнесла Инга.

Дмитрий ухмыльнулся и подмигнул мне. Я тоже не сдержал улыбку – все-таки сама снова «впуталась» в разговор.

– Даже ОНИ находится в замешательстве. Фанатики говорят о конце света, да и ученые все чаще склоняются к этой версии, не находя ответов на поставленные вопросы.

– Значит, нас ждет апокалипсис? – я не верил в это. – А для чего нас обучать тогда?

И вот оно, снова – непроницаемая стена молчания! Лишь через пару минут Дмитрий сказал:

– Мы – не те, кто должен тебе рассказать об этом. Потерпи.

Я, закатив глаза, снова принялся за еду.

В шесть часов вечера мы отправились на пляж. Купаться Инга строго настрого запретила, говоря, что вода холодная, а мне скоро на учебу.

– «И были угрозы ее страшны, как пламя из бездны Ада», – пропел Дмитрий строчку из какой-то песни.

– Ты считаешь меня демоном? – Инга в который раз поставила руки на бока.

– Нет, ты суший ангел! – замахал руками охранник. – Смерти... – добавил он так, что это услышал только я.

На берегу стало еще холоднее – от ветра здесь ничего не закрывало. Волны набегали на песчаный берег, иногда принося с собой мелкие ракушки.

Инга села на покрывало, положив его прямо на песок. Дмитрий лег рядом, закрыв лицо панамой. Я же сел прямо на песок у воды. Волны находили все дальше и дальше, и вскоре мне пришлось отодвинуться назад, чтоб не промочить шорты.

– Тут всегда ветер? – спросил я у Инги.

– Нет, но иногда может налететь, – задумчиво ответила она, посмотрев на волны. – Как бы сегодня шторма не было.

Со стороны леса раздались голоса. Я посмотрел на Ингу, но та только пожала плечами, мол, не знаю я – кто там.

Из джунглей по правую сторону от нас вышли три человека. Охранник – невысокий, но крепкий человек с аккуратной рыжей бородой и длинными волосами того же цвета. На лице у него красовались солнечные очки, а одет он был в легкую рубашку и шорты. Темнокожая женщина, скорее всего, – вторая из охранников, была одета в серое легкое платье, из выреза которого торчала лишь копна курчавых черных волос и большие выразительные глаза.

Сопровождали они парня – скорее всего, моего ровесни-

ка. Он был примерно того же телосложения, что и я, но несколько выше; светлый ежик волос, острые нос и подбородок. Одет – в шорты, футболку и рубаху, которую не застегнул ни на одну пуговицу.

Охранники кивнули Инге и повели подопечного по берегу в противоположную нам сторону.

– Америка, – сказала женщина, провожая их взглядом. – Физико-химическое направление. Имя спросишь у Димитрия, когда он проснется, ну, если, конечно, тебе это надо. На имена у меня плохая память.

– А какое направление у Сюин? – спросил я.

– У кого? – не поняла охранник.

– У Янь Сюин, – поняв, что мое пояснение ничего не дало, объяснил еще раз. – У китайки.

– А, у нее... – на миг Инга задумалась. – Физико-биологическое.

«Рай для ботаника». Да, в кой-то веки я сам до чего-то дошел.

– Америка – наши соседи? – у меня было много вопросов, и, слава богу, мне на них пока что отвечали.

– Да, их домик по правую сторону от нашего, если смотреть при выходе на террасу, – женщина легла на покрывало.

– А по левую сторону от нас... – вкрадчиво начал я.

– ...Англия. – Закончила Инга. – Социально-психологическое направление. Имя с него, – Инга кивнула на напарника и закрыла глаза.

На обратном пути я спросил у Димитрия имена своих соседей. Американца звали Эдвин Пири, а англичанку – Джульетта Эббс. Теперь я знал троих.

Интересно, рассказывают ли охранники других учеников своим подопечным об остальных? И если – да, то что? Так же имена и направления, или не только? И вообще, интересно ли другим ученикам знать своих «коллег»?

Когда я вошел в комнату, то сразу же вспомнил о вчерашнем разговоре с родителями. Настроение упало. Сев на кровать, стал ожидать звонка. Прошло десять, двадцать минут. Я взял книгу и прочитал оставшиеся страницы, но не получил от этого занятия никакого удовольствия. Наконец, решив, что родители забыли, решил позвонить им сам, если и не договориться, то хотя бы извиниться перед ними.

Но, если подумать, я извиниться еще вчера хотел, но мне не дали.

«Ты снова обвиняешь во всем родителей, идиот. Твоей вины здесь больше», – твердил внутренний голос.

Я открыл панель.

– У вас одно голосовое сообщение, – проскрежетал голос. – Отправитель – «Мама». Дата отправления: число – двенадцатое; месяц – июль; год – две тысячи четыреста восемьдесят пятый. Местное время: восемнадцать – тридцать три. Чтобы прослушать сообщение – проведите по экрану пальцем.

Сообщение было оставлено сегодня, пока мы были на пляже. Оно пришло давно, а я, как дурак, сидел и ждал погоды у моря.

«Сразу панель не мог открыть?!»

С замирающим от страха и надежды сердцем я провел по экрану пальцем.

– Витя, привет. Это мама. Мы с отцом пытались тебе дозвониться, но, видимо, ты был занят чем-то важным или просто не хотел отвечать. В общем, много говорить не буду. Ты останешься учиться в ОНИ дальше. Мы с отцом переговорили и пришли к этому решению. Главное – береги себя. Нам пока не звони – не сможешь связаться. Мы снова улетаем на работу. Сами свяжемся с тобой, как сможем. Учись хорошо. И... – она помолчала. – И обязательно расскажи об этой «особой миссии», как только станет что-то известно. Мы тебя любим. Пока.

Запись закончилась. Несколько минут я стоял столбом не мог понять, что только что сказала мама, но когда осознал – мое сердце упало. Радость стала переполнять меня, и вскоре полилась через край. Нужно было выплеснуть свои эмоции. Я схватил подушку и закружился с ней по комнате, потом долго смеялся и кричал в нее, лежа на кровати.

– Я учусь в ОНИ, – шептал я, пробуя эти слова на вкус. – Я учусь в ОНИ.

Поймав себя на том, что щеки у меня намокли, задумался: это – слезы счастья или благодарности? Я лежал и благо-

дарил небеса за таких родителей. Лежал и твердил им «спасибо».

В восемь часов, когда мы собрались на ужин, Инга сказала:

– Сегодня к ученикам обращается Президент Папро. Трансляция начнется через несколько минут.

Она включила панель, и в воздухе появился большой экран, который, правда, не показывал ничего. Скоро по нему прошла волна, и заиграл Гимн Объединения. Как только стихла последняя его нота, на экране появилось лицо мужчины сорока пяти лет с добродушно прищуренными глазами. В остальном же президент был серьезен. Он выдержал паузу в несколько секунд и начал свою речь. Говорил на общем языке. Внизу экрана бежали субтитры на русском, но я не нуждался в переводе, так же как и охранники.

– Многоуважаемые друзья! С сегодняшнего дня Вы официально зачислены на обучение в академию Общемирового Научного Института. Теперь Вы считаетесь студентами, а значит – от Вас будут требовать гораздо больше, чем до этого требовали в обычной школе. Каждый из Вас будет обучаться по индивидуальной программе – на профильных предметах – и общей, на таких уроках как основы выживания или ботаника. Занятия проводятся до марта две тысячи четыреста восемьдесят шестого года. Ваши проводники должны были известить Вас об учебном плане, но я дополню его, сказав,

что трехмесячных зимних каникул не будет. После завершения изучения курса, мы расскажем Вам о той самой «Особой миссии». Учитесь усердно, иначе миссия будет обречена на провал.

Лицо президента исчезло с экрана, снова сыграл гимн, и трансляция закончилась.

– Ну, все понятно? – спросила Инга, посмотрев на меня.

– Нет, – честно ответил я. – Мне не понятно одно – почему нам ничего не рассказывают об этой «Особой миссии»? А вот уже отсюда у меня идет много вопросов: что это такое? Для чего это нужно? Может быть, мы изменим мнение, узнав, что нас будут резать, пытаться, ставить эксперименты?

– Но, ведь вы, не зная, что вас ждет, все же отправили заявки. А это значит, что вы готовы к любому риску. И не говори, что это не так, – Дмитрий отодвинул стул и вышел из-за стола. – Огромное спасибо, Инга. Ищите меня в качалке, если, конечно, буду нужен.

Мужчина ушел.

– Он там безвылазно? – кивнул я на дверь.

– Часто, – вздохнула Инга почему-то.

Воспользовавшись моментом, я решил задать еще несколько вопросов.

– А для чего нам основы выживания? – на этот раз она промолчала, дав понять мне, что на все вопросы, связанные с уроками и миссией, мы своевременно получим ответ.

– Хорошо, – я вытер губы и положил салфетку на стол. –

Спасибо, все было вкусно.

Вышел из столовой и поднялся в свою комнату. В голове было слишком много мыслей, которые я мог успокоить только одним способом. Вышел на балкон и стал смотреть на небо, разгребая завалы в своей голове. Но простоял я так недолго.

Не прошло и десяти минут, как ветер усилился, а небо, затянувшееся тучами, уронило вниз первые капли дождя.

«Как бы шторма не было» – проговорила Инга у меня в голове.

Я вошел в комнату и закрыл дверь на балкон. Природа как будто того и ждала. Как только щелкнул замок, вода с неба полилась как из ведра. Ветер рычал, выл и бил воду о стекло, будто пытался его выбить.

Под звуки, подобные тем, что издает умирающий зверь, я лег в кровать и скоро уснул.

Несколько раз я просыпался ночью, слышал плеск воды и вой ветра, молил о том, чтобы на утро все успокоилось, и снова погружался в сон.

Глава 2.

«Хочешь жить – умей стреляться»

Остров Поррод. 13 июля

И все же первый школьный день выдался очень пасмурным. Шел дождь, хотя и не такой сильный, как ночью. Благо, дорожки, пересекающие остров, были усыпаны мелкими камнями, отчего не было грязи, но ноги в стоящих лужах промочить было можно. За ночь у многих деревьев поломало ветки, а листья от пальм легли на землю толстым ковром.

Накинув поверх одежды водонепроницаемые плащи, мы двинулись к горе, которая вблизи не казалась такой уж огромной: метров тридцать – тридцать пять. У ее подножья стояло трехэтажное здание, которое в лучах солнца, может, и выглядело впечатляюще, но только не с налипшими на стекла листьями и двором с прибитыми цветами и сломанными саженцами.

Прохлада здания приняла нас после не менее холодной улицы. Я поежился, когда капли с дождевика упали на шею.

Пустота школы давила на физическом уровне: холл, в котором стояли только большая фарфоровая ваза с цветами да четыре дивана, коридоры с голыми стенами, полупустые классные комнаты – все было холодным и неприветливым.

Да, не сравнить ее с моей старой школой, где на переменах слышны веселый смех, топот сотен ног и гул голосов. Может,

это лишь дело времени, и вскоре здесь будет все то же самое? Семь подростков, чье присутствие в этом здании будет эхом разноситься по пустым коридорам... Да, мрачноватая картина. В пору фильмам ужасов, в которых рассказывалось о заброшенных приютах.

Даже если и так, то пройдет не один месяц, прежде чем все выучат общий язык и смогут общаться меж собой без трудностей.

Мы с Димитрием (сегодня он сопровождал меня) пришли в школу первыми и заняли край одного из диванов, стоящих в холле.

– Ты можешь с кем-нибудь общаться? – спросил у меня охранник.

Я отрицательно покачал головой:

– Только если кто-то из них знает общий язык, ну или хоть как-то владеет русским, в чем я очень сомневаюсь.

– А ты в школе изучал что-то, кроме русского и общего?

– Только английский и французский, правда, свободно на них не говорю, – я посмотрел на дверь, в которую входили первые ученики. – Только отдельные слова и фразы. Все свободное время посвящал общему.

Димитрий кивнул и шепотом начал представлять мне входящих:

– Это Сюин Янь, – указал он мне на черноволосую девушку. – Китайка. Мы вместе плыли на корабле, если помнишь. Ее охрана – Эми, которая сейчас с ней, и Ян. – Дождавшись,

пока в холл войдет следующий ученик, Димитрий продолжил. – Эдвин Пири – американец. Сейчас его сопровождает Майкл, а Вероника, вероятно, осталась дома. Итальянец – Леандро Санти.

В холл вошел высокий подкаченный парень. Он откинул капюшон дождевика назад, и я смог разглядеть его лицо: острые скулы, чуть выдающийся вперед подбородок, приподнятые уголки губ, нос с горбинкой, глаза, в полумраке холла показавшиеся мне черными. Светло-русые волосы, промокшие даже под дождевиком, прилипли ко лбу.

– Его охрана – это Джулия и Михаэль, – продолжал тем временем Димитрий.

Двери снова открылись, впустив на мгновение шум дождя в тихий холл, и, стуча низкими каблуками по каменному полу, вошла невысокая девушка с коричневыми волосами, ниспадающими на плечи. Пробежавшись по присутствующим серо-зелеными глазами, она села на диван, соседний с нашим.

– Англия. О ней я уже говорил, – произнес мой охранник. – Джульетта Эббс. Ее охрана – Даниэль и Лилит. А вот и Германия, – он указал на входящих следом за англичанами людей. – Ютта Блау. Ее охрана Анна и Маркус (который, кстати, как и его подопечная – кровный немец).

– Я думал, что все охранники, которые сопровождают нас, родом из той же страны, что и мы, – задумчиво сказал я.

– Не все, но часто так и есть, – сморщил лоб Димитрий. –

Так сказать, в целях вашего комфорта. – На секунду он замолчал. – Остается француз... ага, вот и он! – двери открылись в седьмой раз, запуская «французскую» группу. – Жак Гарнерен. Охрана – Луи и Нелли. Вот, вроде бы, и все. Вопросы есть? Вопросов нет, – сказал он, хотя не получил ответа. – Теперь – на уроки.

В тот же момент раздался усиленный во много раз эхом звон, и мужчина повел меня в класс языковедения.

Каждый урок по профильному предмету длился два часа. Думаю, что описание их будет очень скучным, ведь темы, которые я проходил в школе, мы начали разбирать заново, но уже более углубленно. За первый день занятий прошли программу первого года изучения языкознания, но по литературе и искусству – и полгода не осилили. Не осилил я; учитель же был готов рассказывать мне о культуре начала времен часами.

После профильных предметов сегодня должно было быть единственное профильное занятие по общему языку на два часа, но преподаватель, поняв, что я свободно говорю на нем, освободил меня от уроков до того времени, пока остальные ученики не начнут говорить на нем хотя бы чуть-чуть. Кроме меня с занятий отпустили так же и Жака, но он ушел из школы так быстро, что я не успел с ним поговорить.

Теперь каждый день я занимался не до шести вечера, а лишь до четырех дня и в освободившиеся часы мог делать

все, что душе угодно.

Сегодня же я решил прогуляться по острову – дождь кончился, пока мы были на уроках, и солнце теперь сушило пролитые слезы природы.

Димитрия и Инги дома не было, а потому, переодевшись, я сделал несколько бутербродов, достал из холодильника бутылку сока и, кинув все это в рюкзак, отправился исследовать остров.

Было душно из-за испарявшейся воды, солнце пекло нещадно. Выдохнувшая после ночной бури природа оживала: птицы голосили, ветер гладил блестящие листья деревьев.

Сначала я шел по дорожке, всматриваясь в растительность вокруг меня, останавливаясь возле некоторых цветов и деревьев, потом понял, что исследовать места, где уже протоптаны тропинки, мне не интересно и, посмотрев по сторонам, нырнул в ближайшие кусты, тут же попав в совершенно новый мир.

Все окружающее пространство окутывал зеленый полумрак. Было тяжело дышать, так как воздух, спертый с разных сторон природными стенами, не уносил воду, от чего был гораздо плотнее. Не было ни дорожек, усыпанных искусственным камнем, ни заборчиков, мешающих растениям расплзаться корнями и лианами в разные стороны. По пружинистому слою корней и листьев идти было легко, хотя несколько раз я все же умудрился провалиться в грязные лужи, а

один раз даже чуть не потерял кроссовок, при всем этом, не переставая чувствовать себя великим первооткрывателем, в которого я играл в детстве, бегая среди деревьев. Раздвигая листья и траву, случайно пугал птиц, которые улетали в небо, и в глубине души мне становилось стыдно, что нарушил их покой.

Я бродил по зарослям долго, но так и не дошел до берега, отчего становилось понятно, что не такой остров и маленький, как кажется.

Подыскивая себе место, где можно было бы перекусить, услышал голос. Говорил парень. Нет, не говорил – кричал. Сделав несколько шагов в сторону, откуда доносился голос, я чуть раздвинул высокую траву и увидел Жака. Парень был в той же одежде, что и на занятиях, и, скажу вам, она не очень-то подходила для лазания по кустам. Стоя у высокой пальмы, он смотрел на запястье, из браслета на котором вырывался в воздух экран телефонной панели.

Лицо Жака побагровело, а голос дрожал.

Кричал парень, явно, на французском, и я автоматически включил режим полиглота, чтобы что-то понять, но, как это бывает с теми, кто не особо старается учить языки, понял мало. Из всего монолога (скажу вам, он был не маленький), разобрал только: «maman», «pourquoi?», «Jeneveuxpas», «cen'estpasamoi», что давало очень мало информации.

«Maman», находившаяся по ту сторону экрана, что-то от-

ветила Жаку, но он остался этим не доволен. Парень хлопнул рукой по панели, погасив экран, и бросился через кусты в противоположную от меня сторону.

Солнце уже село, когда я ввалился в дом. Всю обратную дорогу я пытался понять, что значил тот разговор Жака с его матерью, и отчего француз был так зол. Не найдя более-менее правдоподобного вывода, я отбросил эти мысли.

– Ну, – встретил меня на пороге дома Димитрий. – И где ты был?

– Гулял, – я стянул грязные кроссовки. – По острову.

– Мойся, и иди ужинать, – он сложил руки на груди, отчего мускулы выступили еще больше, и ушел в гостиную. Сейчас он был очень сильно похож на моего отца.

Остров Поррод. 10 августа

Время шло своим чередом.

В школе уроки набирали обороты: за месяц с преподавателем мы прошли всю программу русского языкознания, перешли на древние классические языки и постепенно перебирались на теорию строения языков. В литературе и искусстве дошли до двадцатого века.

Каждый день после занятий я ходил на пляж, если, конечно, позволяла погода, плавал в соленой воде, загорал под солнцем, ложась прямо на горячий песок. Если же на улице были ветер и дождь, я наливал себе чай и садился в библио-

теке с книгой в руках или просто слонялся по дому и искал, чем себя занять.

Неизменно, каждый день с пяти до десяти вечера по времени острова, мне звонили родители, и каждый раз я долго и с запалом рассказывал об уроках, о каких-то новых открытиях на острове. Мы не вспоминали о моем самовольном отпавлении сюда, но, как-то раз, мама сказала как бы невзначай, что сейчас бы точно дала свое согласие на мое обучение.

Я скучал по родителям, так же как они скучали по мне. А может, и сильнее. Я любил их, а они любили меня. Но, они до сих пор не знали, каким образом их сын попал на остров, а раскрытие им этот секрета грозило новой волной злости и обиды.

Так прошел июль и наступил август.

Прошло почти четыре недели с того времени, как преподаватель общего языка освободил мне время после профильных предметов, и я стал привыкать к тому, что всегда учусь до четырех часов дня. И вот, десятого августа, учитель настоял на моем присутствии.

После культуры и искусства, я вошел в класс общего языка и встретился с шестью парами изучающих меня глаз. У Сюин они были все те же, что и в самолете – карие, но не заинтересованные мной, а голубым глазам француза был не интересен не только я, но, казалось – все происходившее. У итальянца же глаза оказались не черными, а темно-синими с

отливом зеленого. Странно, но в них читалась... агрессия?

– Итак, добрый день, дорогие друзья, – произнес педагог, когда я занял свободное место за последней партой. – В течение месяца вы изучали общий язык. Настало время вам показать, чему вы научились.

Я посмотрел на ребят и у каждого увидел наушник, мигающий красной лампочкой в такт словам учителя. Переводчик.

Преподаватель говорил на общем, а в наушнике его слова переводились на родной язык каждого ученика. Это значило, что на общем они свободно не разговаривают. Или просто держат переводчик по привычке?

– Теперь вы можете избавиться от своих наушников. Мы будем говорить на том языке, что вы должны были изучить за это время. – Ученики выполнили требование, а преподаватель тем временем продолжил: – сейчас вам нужно рассказать о себе. Кто вы, из какой страны прибыли, что нравится, а что нет. Буквально два или три предложения. Начнем?

Вопрос остался без ответа, и учитель кивнул:

– Хорошо. Виктор Васнецов. Вы уже знаете общий язык. Начнете?

Я понял, что это далеко не вопрос и не просьба, а потому кивнул.

Учитель сделал приглашающий жест рукой, совсем как это делал Старик. Я вспомнил его добродушное выражение лица, и мне стало страшно. Тогда, в старой школе, мог спо-

койно ошибаться в ответах, говорить случайно глупости, и меня ничто могло смутить. Теперь же в душу закрался страх, потому что передо мной сидели совершенно незнакомые мне люди.

Все же, пересилив себя, я вышел вперед и начал:

– Эм... – «Что, говорить разучился?!» – Всем привет. – «Да, это шедеврально». – Меня зовут Виктор Васнецов. Я из России. Здесь обучаюсь по литературно-языковедческому профилю. – Снова замолчал.

«Что, гуманитарий, слова потерял?» – ехидно поинтересовался в голове я сам у себя.

Прикрыв глаза на несколько секунд, я представил руку мамы на своем плече, почувствовал это почти физически, а потом собрался с мыслями и снова заговорил:

– Что мне нравится? Читать книги, любоваться природой; дождь и снег. Так же я люблю общаться с друзьями, обсуждать новости, хотя вечеринки высасывают из меня много энергии. Не люблю я, в основном, надоедливых типов, а так же скуку и... физику. Да, я не люблю физику и химию. Никогда не тянуло к ним. А если что-то надо было сделать, то все мысли улетали, а руки становились кривыми – но это только по этим предметам. Да и сейчас все – то же самое.

Кто-то из девушек засмеялся.

Я покосился на учителя, который пристально смотрел на меня.

«Что-то ты разболтался, – сказала подсознание. – То не

начнешь, то не закончишь...»

Смутившись, я опустил глаза и скомкано закончил:

– По моей части теория... не по этим предметам. Практику оставляю другим. У меня все.

Мои уши уже горели огнем, а ноги начали трястись.

– Спасибо, – учитель что-то напечатал на экране и вызвал следующего рассказчика. – Жак Гарнерен

Курносый француз все с тем же скучающе-отсутствующим взглядом. Он вышел вперед и убрал со лба белесые вьющиеся волосы.

– Меня зовут Жак, – начал он. – Прибыл сюда из Франции. Учусь на общественно-историческом профиле. – Парень говорил с характерным французам акцентом, отчего «р» походило на нечто среднее между «х» и «г». – Я люблю историю. Знаю все важные даты, деятелей и причины тех или иных исторических поворотов. Еще я люблю общаться с людьми, но лишь с теми, кто заслуживает моего доверия. Я не люблю делать что-то против своей воли, но чаще всего... Впрочем, не важно. Я все, – обратился он к преподавателю.

– Да, хорошо, – еще одна запись в панель. – Леандро, пожалуйста.

Итальянец, теребивший в руках какой-то кулон на толстом шнурке, спрятал его под одежду, вышел вперед и исподлобья посмотрел на нас. Он был в рубаше, но его мышцы были видны через тонкую ткань. Я сразу же сконфузился, глянув на свои тонкие руки.

«Чего выпендривался? – спросил я сам у себя. – Вот он имеет полное право на это, а не ты».

– Меня зовут Леандро Санти, – произнес парень тихо, но отчетливо. – Я из Италии. Учусь на техническом профиле. Техника – это мое. Если кто думает, что я накачанный, но с деревянной головой – не буду переубеждать, хотя это не так. Кроме техники я люблю спорт, просматривать информационные выпуски, а так же смотреть фильмы. Ненавижу чтение и всякую писанину, а так же людей, строящих из себя непонятно что. Я закончил.

– Благодарю, Леандро. Ютта.

Перед нами встала девушка с русыми косичками, зелеными глазами и острым носом.

– Меня зовут Ютта Блау, мне пятнадцать лет, – начала она звонким голосом. – Я прибыла из Германии, чтобы учиться на математическом направлении. Мне нравятся цветы, шоколад и море, но я не люблю сидеть без дела. Выгляжу я совсем не взрослой, но серьезности и ответственности у меня не занимать, как говорили в школе учителя, – она засмеялась. – Не люблю, когда люди претворяются, предают или просто делают плохо тем, кого я люблю, – продолжила немка уже серьезным голосом. – Вот, в общем-то, и все, – девушка порозовела, когда закончила рассказ.

Ютта вернулась на место.

– Сюин Янь, – попросил учитель.

Когда китаянка начала, я понял, что впервые за все время

услышал ее голос. Он был похож на шорох воды – тихий и мелодичный.

– Меня зовут Сюин. Моя родная страна – Китай. Я люблю природу и животных, но не людей. Точнее сказать – тех людей, что относятся к природе, как к своей собственности. Ведь это не правильно! Потому что это мы – собственность природы. Учусь на биолого-физиологическом профиле. Так же, кроме всего прочего, я лечу людей и разбираюсь в медицине, как в современной, так и в традиционной.

Девушка закончила свое выступление так же, как и начала – с каменным лицом, на котором ни одна жилка не дрогнула за время, пока звучала речь.

– Джульетта, пожалуйста, – учитель указал на место, на котором уже пятеро учеников рассказали про себя на общем языке. Англичанка была шестой.

– Я – Джульетта Эббс. Моя родина – Англия. Мой профиль – социально-психологический. Я, как и Жак, люблю общаться с людьми, узнавать их характер, понимать мысли и поступки, как и Ютта – веселиться. Как Сюин – природу. Как Леандро я не люблю людей, которые позволяют себе раздуть собственное эго, и как Виктор – технику и все, что с ней связано. Я не понимаю разницы между болтом и шурупом, крестовой и обычной отвертками. И я не считаю это чем-то из ряда вон выходящим. Думаю, Эдвин, у нас и с тобой найдутся точки соприкосновения. Я уверена в этом. Спасибо.

– Мое имя – Эдвин Пири, – сказал американец, когда учи-

тель вызвал его. – Прибыл из Соединенных Штатов Америки. Профиль – физико-химический. Я люблю физику и химию, но не люблю литературу, хотя знаю все программные произведения, – он улыбнулся. – Так же не люблю разного рода дискотеки, вечеринки и тому подобную ерунду.

– Хорошо, вот вы и познакомились, – произнес учитель, когда Эдвин сел на место. – С завтрашнего дня уроков по общему языку не будет, но это не значит, что вы должны забывать его. Общайтесь между собой как можно чаще, а если не хотите друг с другом – то со своими охранниками. Вместо моих уроков вы будете посещать занятия по непрофильным предметам. Теперь же я вас отпускаю. До свидания.

Я был удивлен тому, как за месяц ребята преуспели в изучении общего языка. Еще каких-то четыре недели назад они мотали головой, мол, не знаю его, а сегодня уже могут говорить предложениями, даже рассуждать на общем!

Когда я выходил из здания школы, то подумал о словах преподавателя: «вот вы и познакомились». В каком смысле «познакомились»? Мы с Жаком с остальными, или другие ребята тоже не контактировали друг с другом на уроках общего?

Вечернее небо Поррода теряло краски, затягиваясь тучами, плывшими с Востока. Холодало, поднимался ветер. Я поспешил домой, не дожидаясь остальных ребят, чтоб не попасть под дождь, который мог полить в любую минуту.

Прошло несколько недель. Лето постепенно ушло, уступив место сентябрю, хотя на нашем острове изменение времен года было не заметно от слова «совсем». И даже когда наступил ноябрь, мы не почувствовали никаких изменений в погоде.

К концу сентября индивидуальные занятия почти закончились, оставшись только в виде одного часового урока в день, уступив место непрофильным, групповым предметам. Оружейные уроки, на которых мы учились стрелять из всего, что попадалось нашему преподавателю под руку; уроки шитья, где мы из старой одежды и рваных тряпок создавали себе гардероб каждый раз в новом стиле. Урок готовки, ботаника, астрономия, где мы часами рассматривали древние карты и сравнивали узор нынешнего звездного неба с моделями, показывающими расположение светил миллионы лет назад. Никто из преподавателей не отвечал нам, зачем все это. Все просто ограничивались одним словом: «надо» и продолжали свою работу.

Учитель по основам выживания тоже не говорил, зачем нам нужен его предмет, при этом учил нас строить жилища из подручных материалов, разводить костер, охотиться с помощью оружия, сделанного так же из всего, что попало под руку.

Тем не менее, мы были благодарны совместным занятиям как минимум потому, что они сдружили нас. Теперь подростки из разных стран часто стали проводить время после

занятий вместе, иногда даже ночуя в чужих домах. Мы убежали ночью из дома, чтоб побродить по острову, посмотреть на звездное небо. Мы были детьми. Мы были счастливы.

И жить в таком размеренном темпе нам было суждено до ноября. Потом же случилось то, чего никто из нас не ожидал.

Наши охранники решили поиграть.

Остров Поррод. 3 ноября

Самым обычным субботним школьным утром, когда я собирался на занятия, с нетерпением ожидая от Сюин рассказа после уроков о сохранившихся традициях Востока, Дмитрий без стука влетел в мою комнату и сказал, что занятия на сегодня отменяются. На мои вопросы он, как обычно, не ответил, а только намекнул на то, чтоб я оделся как можно удобнее.

Натянув футболку и шорты (на улицы было жарко), я запрыгнул в кроссовки и спустился вниз, где меня уже ждали Инга и Дмитрий, влезшие в черные обтягивающие спортивные костюмы. Они бросили на меня оценивающий взгляд и усмехнулись, переглянувшись.

Я вышел за ними из дома и побрел по пятам, думая о том, куда они меня ведут, ведь уже с июля я ходил в школу и по острову сам. Но даже если они меня и сопровождали, то никогда не делали этого вдвоем.

– Куда мы идем? – не стал временить с вопросом я.

– К причалу, – ответила Инга.

– Зачем это?

И снова секреты! Димитрий неопределенно пожал плечами, а Инга сделала вид, что не услышала меня.

Когда мы подошли к причалу, на волнах у которого качался небольшой корабль, на котором мы прибыли сюда, то увидели там уже шестерых человек: Сюин, Жака и их охранников. Я спросил у своих телохранителей разрешения подойти к друзьям и, получив кивок в ответ, показал китайке и французу, мол, отойдем?

– Для чего все это? – спросил у меня француз, когда мы расположились на песке чуть в отдалении от причала. – Мои ничего не говорят. – Жак хоть немного, но изменился со времени прибытия на остров: отреченность в его глазах пропала, да и сам он начинал вести себя иногда даже активно.

– Не знаю, но вряд ли стали бы они просто так отменять занятия. А ты как думаешь, Сюин? – обратился я к азиатке, которая стояла почти у самой воды.

– Я тоже не знаю. Но, возможно, нам предстоит физическая работа, иначе бы нас не вырядили в легкую одежду, – она поежилась от очередного дуновения ветра.

Китайка была одета в футболку и легкую кофту на замке, бриджи и кепку, под которую были спрятаны длинные волосы. Короткие же продолжали закрывать одну половину лица. Жак зачерпнул песок в кулак и высыпал его через пальцы.

– Что я вообще тут делаю? – прошептал он в надежде, что

никто его не услышит. Я не стал отвечать, понимая, что это – личные мысли, и лезть туда – только причинять неудобства другу.

Я смотрел на океан, по которому бежали волны от легкого ветерка, чистое небо, по которому не проплывало даже облачка. Было бы приятно лежать на песке в такой день, если бы не чувство ожидания.

Вскоре раздались голоса, и на пляж вышли группы Эдвины и Ютты, а через несколько минут за ними – Леандро и Джульетты. Теперь все были в сборе, но охранники ничего не говорили.

– Димитрий, – громко обратился я к охраннику, не выдержав ожидания. – Зачем мы здесь?

– Подожди, вот придет Сюмбюль, тогда и узнаешь, – мужчина отмахнулся и указал на песчаную дугу, по которой шел наш учитель по основам выживания.

Это был невысокий жизнелюбивый мужчина, почти всегда ходивший в длинном халате и чалме. Его густая черная борода оставляла открытыми только темные глаза и большой нос, скрывая подбородок и рот и переходя в бакенбарды.

Мужчина, не торопясь, подошел к нашей группе из двадцати одного человека, улыбнулся глазами, потер руки и начал, обращаясь, почему-то только к нам семерым:

– Добрый день вам, дети, если он добрый. Сегодня мы отменили ваши занятия, чтобы провести испытание, – Сюмбюль всегда говорил только по делу без лишних приказок и

предисловий. – Это испытание направлено на то, чтоб оценить ваш уровень подготовки и решить, что дальше делать с вами. Потому, постарайтесь выложиться на максимум, чтоб мы, ваши учителя, не краснели за вас.

Представьте себе, что вы попали на вражескую территорию, на которой вам нужно выжить в течение трех дней. Ваша охрана становится вашими врагами, а вы теми, кто должен выжить любой ценой. – Учитель тараторил, не давая спросить ничего.

Мы посмотрели на охранников недоумевающими взглядами, но взрослые бесстыдно улыбались, явно понимая, о чем идет речь.

– Правила такие, – Сюмбюль не останавливался. – Сейчас вам дается фора в десять минут, чтобы собрать нужные вещи в доме и спрятаться в лесу. Затем за вами начнется охота. У каждого из четырнадцати охранников будет оружие заряженное краской, которую можно смыть лишь специальным раствором, флакон с которым находится лишь у меня, а нахожусь я на этом корабле, – он показал на судно, раскачивающееся у причала. – Ваше оружие находится в школьном холле. С помощью него вы можете поражать своих врагов, ну или друг друга, но, если на вас попала краска – вы должны прибыть ко мне. Я осмотрю вас и, если обнаружу, что краска (которая в теории является снарядами) повредила жизненно важные органы, то признаю вас мертвыми. Если нет – стираю ее, и вы продолжаете борьбу. Как только время выйдет

– я подам сигнал, и, если у учеников останется хотя бы один «выживший», то им присваивается победа. Если нет – выигрывают охранники. Так же игра считается оконченной, если убили полную команду тех или других. Все понятно? – он посмотрел на нас.

«Угу, значит, и правила охрана помогала разрабатывать...» – подумал я.

– Хорошо, раз молчите... Время пошло! – закричал Сьюбюль.

Раздался громкий сигнал, и несколько секунд мы не могли понять, что происходит. Но, потеряв несколько секунд своего времени, сорвались с места и побежали в лес. Семь человек проламывались сквозь кусты, желая как можно быстрее добраться до дома.

Тропинки вели сначала к центру острова, а потом уже расходились к домикам, так что бег по ним был непозволительной тратой времени. Благо, причал находился от нашего дома недалеко, а потому бежать через джунгли, особенно когда знаешь остров хоть немного, – самая лучшая идея. За несколько месяцев я облазил здесь все, и даже протоптал несколько тропинок к береговой полосе, и потому скоро, громко стукнув дверью, влетел в дом.

«Сколько прошло?!» – нервно спросил я сам у себя, но думать было некогда.

На счету была каждая секунда, ведь неизвестно, что будет

с нами и нашим обучением, проиграй мы эту битву с охраной. Может, нас отправят домой, может, изменят цели миссии или что похуже...

Не сняв ботинки, я взбежал на второй этаж и, схватив из гардероба рюкзак, сунул в него кофту, валявшуюся на кровати.

– Так, что еще? – прошептал я и бросился вниз.

«Да, Инга меня точно убьет», – пронеслась мысль, когда увидел затоптанный сырой грязью пол.

Перерыв гостиную и кухню, взял еще веревку, бинт, несколько медикаментов (в основном обезболивающие), нож и немного еды.

Уроки выживания не проходили у нашей группы даром, но все же, запомнить полный список предметов первой необходимости было проблематично, особенно, если учесть, что многие из них никогда вживую не видел (спички там или еще что). Потому то, что еще говорил брат Сьюбюль, я забыл, но на воспоминания не было времени. Надо было убежать из дома.

Хлопнули ворота.

– Не-е-ет, – прошептал я, сев за стойку на кухне и прижавшись к ней затылком.

Десять минут истекли, а я только успел собрать вещи, не подумав при этом о собственной безопасности.

Тихо, стараясь не делать резких движений я добрался до

лестницы и пулей взбежал наверх и, упав на живот, выполз на балкон.

По саду шла Инга. Охранница медленно, словно кошка, приближалась к дому, держа пистолет с краской наготове. Она знает, что у меня нет оружия, иначе бы не шла так открыто.

Да, было бы оно у меня – я бы расправился с первым «врагом», уж очень удачный был момент, но все наши пистолеты лежали в здании школы, куда нам только предстояло пробраться.

Нам. Это слово ударило в голове, словно колокол, и я понял, что чем скорее найду остальных, и чем скорее мы объединимся, тем быстрее мы сможем пробраться в школу, захватить оружие. Да и прикрывать спину будет кому, а то в ситуациях, когда могут застать врасплох, оказаться проще простого.

Что же делать?! Инга вполне может быть не одна, а с Дмитрием, или еще с кем-то. Бежать напролом – не вариант. Расправиться с ней – не получится. Что же, если найдет меня, то тогда и побегу, а пока подождем. Я вернулся в комнату и чуть приоткрыл дверь в коридор.

Инга, вошедшая в дом, должна была уже подниматься на второй этаж, но она была слишком тихой, чтоб я это услышал. На ум пришли слова Сюмбюля об охоте: «Если не можете услышать зверя, то хотя бы постарайтесь его увидеть. Смотрите внимательнее. Ни одно живое существо не может

передвигаться бесследно».

«Как? Как ее заметить?»

Я напряг зрение и вдруг увидел: да, вот оно! С первого этажа в полутемный коридор второго этажа проникал свет, и любой человек, поднимающийся по лестнице, должен был отбрасывать тень. Инга не была вампиром, а потому я почти сразу увидел тень от ее головы. Потом к голове добавились плечи, туловище... Инга шла осторожно, в то же время, особо не скрываясь.

Да, действительно, если и подумать: нас – семеро, охранников – четырнадцать. На каждого из нас по два «врага», а потому прятаться должны мы.

«Интересно, она ищет меня или просто осматривает дом?» – подумал я, но у моего мозга уже был ответ на этот вопрос.

«Конечно, она ищет тебя, идиот. Зачем им возвращаться за провизией и всем остальным в самом начале этой безумной игры, если их явно больше, чем вас, и дома, как ни крути, будут находиться в их распоряжении? Конечно же, охрана ищет учеников!»

Как же раньше не додумался?! Теперь я в ловушке. В коридоре Инга, сзади – балкон, а внизу может быть Димитрий, ведь он мог прийти, пока я не следил за воротами. Тогда...

Я спрятался под кровать, чтоб хоть как-то отсрочить свою участь, и тут же в комнату вошла женщина. Она держала пистолет с краской наготове, быстро огляделась по сторонам и,

опустив взгляд на пол, двинулась к гардеробу. Ну конечно, следы!

Я почувствовал себя в тот момент огромным идиотом, который не в состоянии даже спрятаться нормально, а уж о победе нечего и говорить. Как можно было не подумать о следах?! Точно, знаю – в следующий раз просто нарисую карту своих передвижений и отдам ее охранникам.

Инга тем временем дошла до гардероба.

– Ты можешь быть только тут, если ты в доме, – прошептала она.

«Ну, конечно!» – промелькнула мысль.

Как только женщина рванула на себя дверь и направила пистолет на одежду, я вылетел из-под кровати и бросился к двери. Инга была к этому готова. Рюкзак дернулся от удара краски. Пусть. Лишь бы не в меня.

Я захлопнул дверь. Так, куда дальше? Вниз нельзя, там может быть Димитрий. Куда тогда?

– Далеко собрался? – на верхней ступеньке лестницы стоял мой телохранитель, направляя пистолет прямо мне в голову.

– Очень, – бросил я и рванул на себя первую попавшуюся на пути дверь.

Раздались шлепки краски по дереву, но меня это мало волновало. Главное сейчас – убежать.

Как оказалось, я ворвался в комнату Димитрия, что мне было только на руку: окна здесь выходят на другую сторону

участка, и пусть под окнами не пальмы, а бассейн, вода тоже могла смягчить падение.

Я не стал долго думать, потому что в дверь уже слетала с петель от ударов хозяина комнаты. Окно открылось хорошо, и я прыгнул в бассейн.

Когда вода сомкнулась надо мной, я поднял голову вверх и увидел, что по поверхности растекаются ядовито-зеленые пятна.

«Если не вылезу прямо сейчас, то вся поверхность будет покрыта краской, а значит, когда закончится воздух, мне придется вынырнуть, замараться и «умереть», – подумал я.

Несколько взмахов руками, и я вынырнул у самого края бассейна, куда краска еще не успела добраться. В один момент я выпрыгнул из воды и стал целью для двоих стрелков: из окна своей комнаты в меня стрелял Димитрий, а Инга, выбежав из дома, отделяла меня от ворот. Забегу в дом – снова окажусь в ловушке. Я понял, что остался лишь третий и последний вариант – забор.

Бежать с мокрой сумкой за плечами было тяжело, но желание не проиграть в самом начале подгоняло. Добежав до границы участка, я перекинул сумку и сам зацепился руками за верхнюю часть досок.

Шлеп.

Пятна краски стали расползаться по доскам и – о, ужас! – мне подстрелили кроссовок. Я подтянулся и перевалился на другую сторону.

Оказавшись в безопасности, правда, на время, я скинул обувь и понял, что Сьюмбюля не так-то просто будет обмануть с «ранениями». Краска просочилась через обувь и стала пропитывать носок. Я стянул и его, и так, с одной голой ступней, подбежал к горе, прячась в кустах и за деревьями.

Отдалившись на безопасное расстояние от дома, я сел под деревом и подумал сразу о двух вещах: во-первых, мне крупно повезло, что охранники в этот раз решили поддаться, ведь, если бы они захотели меня подстрелить, то попали бы голову всеми выстрелами, которыми покрасили забор при моем побеге, потому что не просто так их нашими телохранителями сделали. Во-вторых, в сторону школы бежать сейчас очень глупо, ведь охрана первым делом пошлет часть своих людей именно туда.

В то же время, школа сейчас являлась для нас семерых ориентиром, в окрестностях которого мы могли встретиться. Желая, чтоб и другие подумали о том же, я встал и короткими перебежками от куста к кусту стал двигаться вперед.

Солнце поднималось все выше и выше. Сегодня, как назло, не было ветра, а потому тропическая жара скоро высушила и мою одежду, и мое горло. Я вспомнил о бутылке воды, что сунул в рюкзак перед приходом Инги и, скинув его, вздохнул: только сейчас, увидев зеленые пятна, я вспомнил, что и его мне «прострелили». Взяв сумку за чистые места, я вытряхнул ее содержимое на землю. Как я и думал. Кофта и еда, завернутая в нее, позеленели от просочившейся суб-

станции, бинт тоже немного окрасился, но вот таблетки, веревка и нож остались чистыми.

Бутылка с водой тоже покрылась зелеными пятнами, и я не стал рисковать: положил все, что уцелело в карманы, а рюкзак повесил на дерево, чтоб потом его можно было забрать.

Першение в горле снова напомнило о том, как сильно я хочу пить, но единственное спасение от жажды теперь было впереди – водопад. Кто знает, может, в горе за ним и пещера найдется, чтобы отдохнуть можно было.

Голоса я услышал сразу, как приблизился к зданию школы. Охранники явно не скрывали своего присутствия, а может быть хотели привлечь внимание, показать превосходство, мол, вот мы здесь и вас не пропустим.

Стараясь не выдавать своего присутствия, я стал обходить территорию школы по достаточно большому радиусу. Нога после длинного перехода болела: покрылась царапинами и ссадинами. Вскоре голоса охранников стихли, и на смену им пришел шум падающей сверху воды.

Река, которая текла отсюда в океан, пролегла через заросли, в которых я и решил пока что спрятаться. Утолив жажду, я опустил избитую камнями и ветвями ногу в воду, которая приятно охладила раны.

«Ох, вот сейчас бы сидел на уроке в старой школе, готовился к экзаменам, и не думал бы, что делать с ногой», – по-

думал я, стараясь не заикливаться на пульсирующей ступне.

Неожиданно послышались голоса.

Я лег на сырую землю и чуть раздвинул ветки кустов, в которых сидел, так что они не мешали видеть водопад, и все, что его окружало. На берег тем временем вышли с разных сторон три человека: Эми, охранница Сюин, и, если я не ошибался, Джулия с Маркусом (телохранители Леандро и Ютты). Встав у самой воды они стали что-то обсуждать, жестикулируя и мотая головами, но из-за шума воды ничего нельзя было услышать. Маркус в последний раз махнул куда-то рукой, и охрана разошлась в разные стороны.

«Ясно. Патрулируют территорию вокруг горы и, получается, школы, – подумал я. – Значит, мы остались безоружными?»

Стараясь не шуметь, я стал отползать назад. Идея с пещерой за водопадом отпала сама собой – даже будь я прав, делать временной укрытие в месте, окруженном врагами – сомнительная идея. Метр за метром я отползал назад, оглядываясь по сторонам. Моя одежда давно вымокла, а сам я покрылся толстым слоем грязи.

Вдруг, когда я уже был на достаточно большом расстоянии от фонтана, кто-то положил мне руку на плечо. Сказать, что я напугался – не сказать ничего. Осознание того, что я могу проиграть самым первым, навалилось тяжелым грузом. Что же тогда будет? Как ко мне станут относиться остальные? Да

и останусь ли я вообще на острове?

Ну уж нет, так просто не сдамся.

Развернувшись, чтобы нанести удар, я был готов получить красочную пулю прямо в лоб, но мой кулак застыл в паре сантиметров от лица Джульетты.

– Ты? – волна облегчения накрыла меня.

– Да... – она покосилась на кулак, а затем перевела взгляд своих больших карих глаз на меня. – Ты чего так пугаешься?

– А ты чего так неожиданно подбираешься? Я уж думал, меня у горы заметили...

– У горы? – не поняла девушка.

– Да. Там, у водопада видел троих охранников, – сев нормально, я снова опустил ногу в воду. – Они окружили гору. Вот как нам теперь добраться до оружия?

«Идиот, – сказал я сам себе. – Сначала чуть не ударил девушку, а теперь почти выдвигаешь ей претензии. Она-то здесь при чем?».

– Ты это... – я дернул рукой. – Извини...

– Все в порядке, – успокоила меня англичанка. – Да, а с оружием действительно проблема. – Джульетта провела рукой по волосам, откидывая их назад. – Ты видел кого-нибудь из наших?

– Нет, но, надеюсь, скоро мы их найдем. Слушай, – я посмотрел в лес на кусты через плечо девушки. «Показалось?» – Тебя поджидал кто-нибудь в доме?

– Не знаю, – она пожала плечами. – Я не была там. Ведь,

это же очевидно – первым делом они попытаются лишить нас продовольствия и оружия, а не «жизни» в игре.

Я снова устыдился своей глупости, вспомнив о том, как Инга и Димитрий «случайно» промахивались, я-то думал, повезло.

– Я направилась сразу в школу, думая, что повезет, и успею вытащить оружие, но как видишь... Эх, мне казалось, что они только территорию школы под контроль взяли.

Я слушал Джульетту в пол-уха, сосредоточившись на кустах позади девушки. Что это за шевеление-то? Ветра нет, так почему листья на кусте дрожат?

– Интересно, как они успели прийти сюда вперед нас? Десятиминутная фора же на нашей стороне... – девушка изогнула бровь.

– Не знаю, – я повел плечом. – Здесь либо обман, либо... **ЛОЖИСЬ!**

– Что? – не поняла девушка. – Что ты делаешь!? – завизжала она, увлекаемая мной в реку.

Вода поглотила нас, но даже сквозь волны я увидел зеленую краску, которая смешивается с потоками.

«Главное, чтоб она не пошла за нами».

Отплыв на достаточное расстояние, я потянул Джульетту вверх.

– Что это было? – спросила девушка будничным тоном, выбираясь на берег.

Но ответ на вопрос пришел совершенно неожиданно.

– Л... Лилит?! – воскликнула Джульетта.

Я встал рядом с англичанкой, увидев дуло пистолета, направленного на нас.

Телохранительница, стоявшая в лесу, качнула белобрысой головой и, ухмыльнувшись, произнесла:

– Хм, похоже, через секунду охрана станет ближе к победе.

– Не думаю, – Джульетта неожиданно навалилась на меня, как я пару минут назад на нее. – Надеюсь, с легкими у тебя все в порядке, – шепнула она, прежде чем вода снова поглотила нас.

Течение подхватило нас и понесло в сторону океана. Чтоб как-то прибавить себе скорости, мы махали руками, но река и без того увеличивала доставку воды морским рыбам. Легкие уже горели огнем, но Джульетта показывала мне, что выныривать рано. И вот, когда я ощутил легкий толчок от соприкосновения разных водных масс, а мои глаза защищало от соли, то вынырнул на поверхность и посмотрел по сторонам.

Воды доставили нас по адресу: теперь с одной стороны простирался бескрайний океан, а с другой над нами возвышались зеленые джунгли. Охранников видно не было.

Голова Джульетты показалась над водой в паре метров от меня. Выплюнув воду, девушка поплыла к берегу.

Мокрые мы упали на горячий песок и отдышались. Легкие все еще горели от задержки дыхания, и я глотал кислород как голодный – еду. Джульетта, сев, хотела было отжать

волосы рукой, когда я заметил, что одна прядь ее волос была густо-зеленой, и краска, будто вирус, подбиралась к корням.

– Стой, – моя рука остановила руку девушки.

– Ох, все же задела, – вздохнула та и, совершенно неожиданно, вытащила у меня из-за пояса нож, который чудом еще не потерялся в водах реки.

Резкий взмах и отрезанную прядь поглотили волны.

– Ты чего так смотришь? – спросила она, возвращая нож.

– Никогда не думал, что девушка так легко может срезать собственные волосы.

– Это всего лишь прядь. Да и стиль я давно подумывала сменить, – пожала англичанка плечами.

Джульетта встала, откинула мокрые волосы на спину и пошла в сторону леса.

И теперь мы брели, сами не зная куда. Сошлись на том, что нужно найти остальных ребят, вот только где они были и не нарвались ли на охранников, мы не знали.

Сейчас я и Джульетта просто шли по джунглям, останавливаясь и озираясь через каждые пару шагов. Едва услышав шелест листвы, мы падали на землю, отчего одежда скоро стала почти черной, а потом с улыбками над самими собой продолжали путь.

– Там ты так и не договорил... – сказала девушка.

– Что? – не понял я.

– «Здесь либо обман, либо...» что? – она, чуть склонив

голову набок, посмотрела на меня.

– Либо они знают остров лучше нас. Не исключено, что охрана помогала разрабатывать его модель, зная, что будет здесь жить. Да и испытание для нас...

– Тише, – прервала меня Джульетта.

«В смысле?! – чуть не закричал я. Сначала сама попросила меня договорить, а теперь затыкает мне рот?! Нет, так не пойдет. – Или заметила то, что я не заметил?»

– Что случилось? – присел на землю, так же как за секунду до этого села она, и замер.

– Слышишь? – девушка закрыла глаза.

Я задержал тяжелое дыхание и услышал: тихий треск, который бывает обычно тогда, когда кто-то наступает на сухие ветки, но старается не делать этого. Хотя, от такой скрытности получается еще больше шума. Навстречу нам явно кто-то шел.

– Думаешь, охрана? – шепнул я.

– Не уверена, но лучше подстраховаться.

Шаги затихли.

Теперь слышался лишь шелест листвы, колышущейся от поднимающегося ветра. Даже птицы замолкли в ожидании развязки встречи.

Мы с Джульеттой встретились глазами и поняли, что думаем об одном и том же. Ступая медленнее, чем прежде, двинулись вперед. Я закусил губу, наступив на очередной камень голой ступней.

«Почему именно кроссовок? Нельзя было подстрелить рюкзак еще пару раз?»

Без шума мы дошли до очередной пальмы с широким стволом и сели на ее выступающие из земли корни.

– Что теперь? – одними губами одновременно задали друг другу вопрос.

Джюльетта, пожав плечами, снова приложила палец к губам, но теперь я понимал, что она предлагает прислушаться, а не закрыть мне рот.

Пространство наполнял шорох листвы, но через пару минут к нему добавилось еще что-то... Тяжелое дыхание? С трудом осознав, что оно принадлежит мне, я попытался успокоиться. Получилось, но не сразу.

«Никогда, слушая природу, не слушайте себя, иначе этот раз может быть последним», – твердил в голове Сьюбюль.

Теперь я смог слышать дыхание Джюльетты, сидевшей в стороне, потом к нему привались еще несколько звуков. Нахмурившись, стал вслушиваться, и тут до меня дошло, что это дышат люди с другой стороны дерева. Я поднял торжествующий взгляд на девушку, но по ее глазам понял, что она услышала эти звуки давно, а по губам – что все это время наблюдала за моими эмоциями.

Я почувствовал, что краснею.

– Туда, – она кивнула назад, и я так же кивком согласился.

Медленно обойдя ствол с двух сторон, мы резко выпрыгнули из-за него с другой стороны, готовые к чему угодно, но

не к испуганным глазам.

– Жак? – много громче, чем хотелось бы, спросил я. – Ты чего?

Парень сидел, вжавшись в ствол пальмы, и дрожал, как осиновый лист. Светлые волосы торчали в разные стороны, в них запутались листья и веточки. Он переводил испуганный взгляд с меня на Джульетту и обратно.

– А, разве, не заметно? – произнесла Джульетта. – Он боится.

– Да это я и так вижу, – я присел к трясущемуся парню. – Но... что случилось?

– Они ждали меня... И-их было трое... Я... я з-заблудился на острове, а когда дошел до д-дома, то они... и... – француз спрятал лицо в колени, его плечи затряслись.

Значит, на Жака пришлось трое. Да, серьезно. Я от двоих бежал, думал – сердце выпрыгнет, а тут – трое. И, скорее всего, не его же охранники.

– Что «и»? – спросила Джульетта.

Жак снова вышел из транса и произнес:

– Вот...

Он повернулся спиной к нам. На рубашке, чуть выше лопатки виднелось зеленое пятно.

– И вот, – парень выпрямил ноги, и показал такое же пятно на коленке.

– Беда... – пробормотал я и посмотрел на англичанку.

Джульетта только пожала плечами, и я ее понимал. Встре-

тить Жака, попавшего под обстрел, мы не ожидали. Тем более в то время, когда избавляться от окрашенной одежды было поздно. Краска, должно быть, просочилась на тело.

Француз встал, чуть покачиваясь – видимо, у него был какой-то план.

– Куда ты? – спросил я.

– Сдаваться. Все равно умер от ран. Не хочу ничего. Надеюсь, меня отправят домой, если я проиграю, – сказал он без тени улыбки на лице.

– Отправят куда? – переспросила Джульетта.

– Не важно, я все равно иду... – Жак сделал шаг и упал бы на землю, не будь рядом нас с Джульеттой.

– Я не могу идти один, – сказал он уже спокойнее, хотя зубы все еще не попадали друг на друга. – Вы поможете мне добраться до Сьюмбюля?

– Нет, – Джульетта покачала головой. – Прости Жак, но придется тебе походить немного в краске. Охрана разбрелась по всему острову, а их не семь человек, и их никак нельзя отвлечь. Если мы пойдем к причалу без оружия, то останемся там как «убитые», а не как победители.

– Потому нам надо как можно скорее найти остальных и решить – как достать оружие, – поддакнул я.

– А может, оно и к лучшему, если испытание закончится быстрее, – прошептал француз.

– Не лучше. Если ты решил сдаться, то – пожалуйста. Нас сюда впутывать не нужно, – Джульетта отпустила руку, под

которую поддерживала покачивающегося Жака.

– Хорошо, – убитым голосом произнес француз, снова ища опоры. – Я не пойду сдаваться.

– Вот так-то лучше, – англичанка победно ухмыльнулась.

Мы все шли и шли по острову, держась примерно на одном и том же расстоянии от горы и надеясь встретить друзей в джунглях. К счастью или нет, но никто, включая охранников, нам пока не попался на пути.

– Почему нам просто не сдать, – снова прошептал Жак, думая, что мы его не слышим. – Зачем вообще нужно это испытание? Что, если и «миссия» похожа на то, что происходит сейчас? Я теперь труп...

– Не собирай чепуху, – ответила Джульетта, и француз вздрогнул. – Думаю, что это просто проверка наших максимальных способностей, а миссия, все же, гораздо проще. Так ведь, Виктор?

– Да, – кивнул я, соглашаясь. – Ну, даже если и будет что-то сложное, то не откажусь от этого. Моя мечта наконец-то сбылась. Я всегда хотел учиться в ОНИ. Миссию я вообще рассматриваю лишь как оплату за обучение.

– Значит – мечта, – задумчиво произнес Жак. – А у тебя, Джульетта, тоже мечта?

– Не совсем. – Она задумалась. – Я обещала...

Ветка хрустнула совсем рядом – метрах в десяти справа.

– Пригнитесь, – почти одновременно раздались мой и еще

чей-то голос. Очень знакомый голос.

– Леандро? – я поднял голову, выискивая среди листвы итальянца.

– Виктор? – парень раздвинул ветки кустов. Он явно был удивлен не меньше меня.

Следом из кустов показались Эдвин и Ютта.

Теперь не хватало только...

– Сюин. Она с вами? – спросила Ютта, приподнимаясь на цыпочках, будто обзор ей закрывало что-то большое.

– Нет, – Джульетта посадила Жака под пальму. – Вы ее тоже не видели, – констатировала она, тяжело вздохнув.

– Чего это ты так? – спросил я у Санти, указывая на торс, из одежды на котором был лишь его кулон на шнурке, когда итальянец полностью вылез из кустов.

– Думаю, по той же причине, почему ты босой на одну ногу, – он ухмыльнулся, указывая взглядом на мою изрезанную ступню. – Краска. Они попали в меня, но я сразу же сорвал футболку. Теперь не заметно, что что-то было.

– Да, правильно думаешь. Мы с тобой теперь хоть в чем-то похожи, – невесело улыбнулся я. – Нам срочно нужно оружие, – резко сменил я тему разговора. – Чтобы доставить Жака к Сюмебюлю. Он тоже попал под обстрел.

– Сюмебюль? – улыбаясь, спросил Эдвин.

– Жак, – раздраженно уточнил я. – Некогда шутить. Время-то уходит.

– Так, пусть снимет футболку, – посоветовал Леандро. –

Делов-то. Или стесняется?

– Это действует только в том случае, если ты скинул одежду сразу после «ранения», – устало произнесла Джульетта. – Если же нет, то краска успевает пропитаться.

Я подошел к Жаку и оголил его плечо.

– Вот, видите? – я показал остальным красное пятно с зелеными разводами вокруг – то место, в которое попали охранники.

– Понятно, – Эдвин выдохнул, надувая щеки. – Тогда идем к горе? Сюин сама найдется со временем, думаю.

Ребята, которых мы встретили только что, закивали.

– Вот, только как мы проберемся к школе, если она охраняется по всему периметру? И на каждой стороне не по одному человеку, – Джульетта посмотрела на каждого из нас.

– Даже если, мы прорвемся на территорию, то в само здание не войдем, – подтвердил Эдвин. – Думаю, они и внутри сидят.

– Прорвемся, – пообещал Леандро, ударяя кулаком по дереву.

Но все мы понимали, что сила тут совершенно не поможет.

– Крыша! – воскликнула вдруг Ютта.

– Да, крыша у нас у всех скоро поедет от такого, – Леандро сплюнул на землю.

– Да нет же, я не о твоей крыше говорю!

Немка схватила палку и принялась чертить на земле что-

то отдаленно напоминающее гору и школу.

– Если мы взберемся на вершину, то с помощью веревки сможем спустить кого-либо на крышу здания, благо есть уступ, который нависает почти над школой. Он или она разведает обстановку и, если там будет безопасно, даст нам сигнал...

– Но, что если будет опасно? – простонал Жак, повернув голову и с интересом уставившись на чертеж.

– Лучше потерять одного, чем всех, правда? – Джульетта лукаво улыбнулась.

– Конечно, – Ютта отложила ветку в сторону. – Именно поэтому после сигнала спустятся еще двое, а четверо останутся наверху.

– Четверо? – Жак испуганно посмотрел на девушку.

– Надеемся, что Сюин попадется нам по дороге, – ответил вместо немки я, понимая, что Жак говорил совсем не о китаянке.

– А как мы попадем в само здание? – спросил Леандро, обходя рисунок.

– На крыше должен быть люк, – Ютта достала из волос шпильку, – который откроется с помощью этого. Если люка нет, то попробуем через вентиляцию.

– А где во время «операции» будут находиться остальные? – я направил свой взгляд на гору, которая возвышалась над деревьями в полукилометре от нас.

– Воде надо откуда-то падать, – произнес Эдвин. – Логич-

но предположить, что там есть место, где она скапливается – своеобразное озеро на вершине горы. Если нам повезет – вода размывла уступы, где и можно будет расположиться.

На том мы и закончили обсуждение. Да, план был неидеальный, но сошлись на том, что больше думать не над чем. Нужно использовать шанс и проиграть или выиграть.

Наша группа из шести человек двинулась в путь. Впрочем, идти-то было не далеко.

Мы все устали, и оттого расстояние в полкилометра преодолели почти за час. К тому времени сумерки уже стали опускаться на Поррод, что нам было только на руку.

Остановились чуть в стороне от более пологой части горы и, затаившись в тени деревьев, выждали несколько минут, за которые, впрочем, не увидели ни одного охранника.

– Вперед? – шепнул кто-то из нас.

Вблизи гора пугала своей высотой, но для того, чтоб приблизить хотя бы мечты о победе, нужно было забраться на самую вершину.

Первыми отправились Эдвин и Ютта, за ними Джульетта и Жак, а потом поднялись и мы с Леандро. Сюин мы так и не встретили. С каждым рывком предметы внизу становились все меньше, и, вскоре, слились в одну темную массу. Поднимаясь, я надеялся, что для охранников, если они решат поднять голову, мы покажемся лишь камнями.

На вершине ветер стал сильнее и холоднее, пробирал до

костей, заставляя зубы отбивать причудливые мелодии, но все терпели. Жаловаться – значит проиграть, а проигрывать никому не хотелось.

Как и говорил Эдвин, на горе оказалось небольшое озерцо, но нам не повезло – уступов тут не наблюдалось, а потому пришлось передвигаться, цепляясь за острые камни по краям горы, при этом находясь в воде по пояс. В очень холодной воде.

Несмотря на холод, мы с Джульеттой были рады возможности смыть с себя всю грязь, что прицепилась к нам в джунглях, да и усталость отошла на второй план, как только мы окунулись в озерцо с головой.

– Ну, кто пойдет вниз? – спросила Джульетта, как только мы достигли небольшого выступа, который, по словам Ютты, находился над самой школой.

– Я, – сразу же отозвался Санти, хватаясь за веревку.

– Леандро, ты должен остаться здесь, – произнес Эдвин, касаясь плеча итальянца рукой. – Ты сильнее любого из нас.

– И что? – не понял парень. – Именно поэтому я и должен идти.

– Нет, ты нужен на вершине, – настаивал американец. – Ты легко сможешь поднять оружие сюда, а так же удерживать веревку, по которой мы спустимся. Идем мы с Виктором и Жаком. Девочки остаются здесь. – Эдвин рассуждал верно. Девушек тоже не стоило подвергать опасности.

После недолгих уговоров Леандро согласился остаться на-

верху.

Дождавшись, когда небо на западе окончательно потемнеет, мы привязали веревку, которая странным образом не потерялась в джунглях, к камням, но ее для надежности еще и Леандро поддерживал, и отправились на добычу оружия.

Первым спускался я.

Ветер расходился все больше, неприятно напоминая о возможных в этих краях штормах. От порывов меня качало, как маятник, но все же я благополучно добрался до крыши и прислушался. Тихо. И темно – на всем острове освещались только крыши наших домов, которые на высоте казались больше, да школьный двор, где сейчас находились охранники. Я три раза дернул веревку – условный знак – и стал дожидаться других.

Железная крыша приятно холодила израненную ступню, отчего боль хоть немного, но отступила.

Раздался стук.

«Я что-то не заметил?» – сердце ёкнуло, а тело будто парализовало.

Прежде, чем дергать веревку, передавая предупреждающий сигнал, я присел за вентиляционную трубу, издававшую тихое жужжание, и выглянул из-за нее, силясь увидеть виновника шума. По краю крыши, стуча клювом по железной обшивке, шла небольшая птица.

Облегченно выдохнув, я повернулся снова к веревке, по которой уже почти спустился Жак. Наступив на крышу, па-

рень тихо охнул и сел.

– Что случилось? – спросил я, подойдя к французу и держа.

– Коленка, – он кивнул на зеленое пятно на штанах.

– Понятно... – я залез в нагрудный карман. – Вот, съешь пару штук, – я протянул обезболивающие таблетки Жаку. – Может, поможет...

Пока француз глотал лекарство, которое не лезло в горло без воды, спустился Эдвин. Убедившись, что все в порядке, американец подошел к люку и, поорудовав немного шпилькой, которую нам дала Ютта, американец открыл его. Кивнув нам, он бесшумно спустился по лестнице на третий этаж.

– Смотрите, чтобы люк не захлопнулся, а то от грохота весь остров на уши поднимется, – прошептал он из темноты.

Тихо и темно. Наши органы чувств здесь были еще бесполезнее, чем на крыше. Хотя скоро глаза привыкли к полумраку, все же, света из окна было мало для освещения коридоров. Благо, тут нет лишних тумбочек с цветами, питьевых фонтанчиков, как в обычных школах, так что можно было идти на ощупь по стенам, если не было уверенности в собственных ориентирах, не натыкаясь на преграды.

– А где оружие? – спросил Жак. Его голос был чуть бодрее – видимо, обезболивающее подействовало.

– В холле. – Ответил Эдвин. – Тремя этажами ниже. Идете?

Я кивнул, хотя никто этого не увидел, и двинулся вперед

по темному коридору. Любой шорох заставлял нас вздрагивать и замирать. Но, все-таки, мы добрались до первого этажа. В отличие от всех остальных помещений, холл был освещен преотлично. На диванах, окруживших оружие, сидели охранники. Мы насчитали как минимум шестерых.

– Ну, вот и все, – я посмотрел на Жака, которому определенно стало лучше. – Что будем делать? – теперь перевел взгляд на Эдвина, который сосредоточенно смотрел на холл и покусывал нижнюю губу.

– Выключим свет, – сказал он через некоторое время. – Оружие лежит в центре, – произнес парень, указывая на каменный пол холла. – Потому нам придется двигаться очень быстро. Я знаю, где находится узел электрической сети. Сейчас пойду туда и вырублю свет. Вы, когда это произойдет, тихо заберете оружие и вернетесь на третий этаж. Я буду ждать там.

Что думалось так просто, на деле оказалось тяжело. Хотя, так оно обычно и бывает. С нетерпением и напряжением мы ждали, когда Эдвин доберется до места и отключит питание. Но секунды шли так, как обычно идут старинные механические часы, у которых садится батарейка – вроде пять секунд прошло, а оказывается – полминуты.

Наконец, вспыхнув на мгновение ярче, свет погас.

Тихо толкнув Жака в бок, давая знать, что спускаюсь вниз, я снял второй кроссовок, чтоб не шлепать им по каменному полу и пошел по лестнице. Пусть было холодно, но голые

ступни не издавали при соприкосновении с камнем ни звука.

Мы с Жаком договорились о том, что за оружием пойду я и сделаю два захода. Если меня поймают, то оружие, что я успею передать французу, достигнет места назначения, и остальные не останутся беззащитными.

– Я схожу, посмотрю, что случилось, – сказал какой-то мужчина.

Его шаги приблизились к лестнице, а потом ботинки за-топали по ступенькам. Я вжался в перила, надеясь, что он не заметит меня. Так оно и случилось – тихо прошел мимо меня, видимо его глаза еще не привыкли к темноте. Но по второму этажу мужчина стал двигаться уже быстрее.

«Фух, – мысленно выдохнул я. – Скоро это случится, так что нужно торопиться».

Подойдя к куче оружия – мои-то глаза успели насытиться темнотой – я схватил несколько автоматов за ремни, молясь, чтоб они не загремели, вернулся назад и передал их Жаку.

– Тихо поднимайся на крышу, – выдохнул ему в ухо.

– А ты? – он принял оружие.

– Я догоню. Там еще пистолеты.

Парень кивнул и начал подниматься на третий этаж, а я вернулся назад.

Охранники о чем-то разговаривали, но я не очень-то вслушивался в их речи, которые были мне только на руку – они заглушали возможный шум, который я мог сделать. Слава богу, я искупнулся в озере, перед тем как идти сюда, иначе

запах от грязи выдал бы меня с потрохами – носы-то у них не были заткнуты.

Я тихо поднял несколько пистолетов, стараясь даже не дышать. Два или три сунул в карманы, а остальные взял в руки, при этом в правую – всего одно оружие для защиты.

«Пожалуйста... пожалуйста...».

Все пистолеты, которых оказалось гораздо меньше, чем я думал, были у меня в руках, когда на втором этаже послышались шаги. Охранник появился на верхнем пролете, и я отчетливо увидел его силуэт на фоне окна.

«Вот черт!»

– Что там? – спросила Инга. Да, я узнал ее голос.

– Пошел не в ту сторону, – хохотнул охранник. – Рубильники там.

Я же, стараясь не шуметь, двинулся к лестнице. Несмотря на свои размеры, пистолеты оказались достаточно увесистыми. Я уже был на середине лестницы, как вдруг...

– Они тут! – раздался крик. – На лестнице!

Секунду я не понимал, что случилось, но когда раздались щелчки и шлепки, побежал к лестнице. Охранники увидели меня на фоне окна, значит, их глаза уже привыкли к темноте.

Не успел я об этом подумать, как свет загорелся, и охранники, стоящие в холле, ослепли на несколько секунд от яркой вспышки. Этой заминки хватило мне, чтобы подняться на второй этаж, где дорогу мне перегородил ушедший включать свет «враг». Не всматриваясь в лицо, я вскинул руку

и выстрелил. Хотя оружие и было заряжено краской, отдача была та еще, и пистолет чуть не вылетел из моих рук. Но, видимо, я попал. Охранник попятился, запнулся и расстелился на полу, выронив оружие, которое я тут же прихватил.

Гул от нескольких пар ног послышался со стороны лестницы. Преследование началось.

Охрана отставала от меня ровно на этаж, но это расстояние сокращалось с каждой секундой.

– Что случилось? – спросил Эдвин, когда я подбежал к люку, сгибаясь пополам от нехватки воздуха.

В ответ на его вопрос в коридоре загорелся свет.

– Вот черт! – выругался американец. – Надо спешить.

Люк за нами с громким лязгом захлопнулся, отрезая от преследователей, а тем временем веревка, на которой подняли автоматы, уже спустилась снова.

– Жак, цепляйся! – воскликнул Эдвин, сунув ему несколько пистолетов.

Француз последовал его совету.

Люк не выдержал ударов и распахнулся. Охрана выбежала на крышу.

Я сунул один из трех оставшихся пистолетов Эдвину, и мы начали красочную перестрелку. Вот только не все охранники целились в нас. Жак, к сожалению, был очень хорошей мишенью, а потому краска летела и наверх. Заметив это, ребята, сидевшие наверху, стали поднимать француза быстрее.

Скоро почти вся крыша покрылась зеленой субстанцией,

а охранники, потеряв Жака, переключились на нас.

Веревка снова упала вниз, приглашая всех желающих прокатиться в одноместном лифте.

– Иди, – сказал Эдвин.

– Нет, давай ты, – я сделал еще несколько выстрелов. – Поможешь Леандро.

– Ты можешь помочь с тем же успехом, – произнес американец, не переставая выдавать новые порции краски охранникам.

– Ты более важен в данный момент. Веревка, может быть, скоро порвется из-за постоянного трения – это я и без хороших знаний по физике понимаю. Поэтому, ты должен что-то придумать там, наверху.

– Не убедил, – произнес Эдвин. – Там, – он показал наверх, сидят техник и логист, уж они-то точно что-нибудь придумают.

– Хорошо, – краем глаза заметил, что плечи Эдвина довольно расслабились. – Это им и передашь. – Сунув еще один пистолет парню, я перебежал за соседнюю вентиляционную трубу, ту, что была дальше от веревки. – Если я проиграю, он не должен пропасть, – пояснил я, заметив его взгляд.

– Ладно, – сдался Эдвин. – Постарайся продержаться как можно дольше.

Парень зацепился за веревку и быстро стал подниматься вверх, так, что охрана не могла попасть в него, хотя тот все еще продолжал свой обстрел сверху. Я, удовлетворенно кив-

нув, тоже продолжил стрелять и вдруг... краска кончилась. Как всегда – в самый неподходящий момент. Я у мамы везунчик.

– Черт! – закричал я.

Пистолет без краски, как последняя пуля, полетел в охрану, а я побежал к краю крыши, тому, что был ближе к горе. Эдвин поднимался, а я просто не мог ждать.

На пару секунд охранники замешкались, но потом раздался выстрел. Удар пришелся в спину. Попадание было сильным, даже ударная волна пошла, и я чуть не упал на ходу.

«Сюмбуль сотрет краску, если она не задела жизненно важных органов», – подумал я.

Эта же пуля «раздробила» мне позвоночник.

До края крыши осталось метров пять. Я скинул футболку, надеясь, что краска не успела просочиться на кожу, и прыгнул вперед. Секунда, две, и я вцепился в холодный колючий камень, оцарапав запястья. Да, мне же мало приключений.

Обстрел прекратился. Я выдохнул и осмотрелся. Передо мной была огромная гора, выше – крутая каменная стена, ниже – высота в десять метров, слева – отвесная стена, а справа, чуть дальше, чем хотелось бы, из горы выросло дерево.

«Туда», – устало подумал я и осознал, что хочу спать.

Как вовремя!

Собравшись с мыслями, я решил добраться сначала до дерева. Но для передвижения нужно было хотя бы упереться в скалу конечностями.

Мои ноги болтались в воздухе, а гора уходила «в себя», образуя навес над школой. И тут до меня снова донеслись звуки шлепков краской.

«В дикой природе вам нужно стать неподвижным, чтобы спрятаться, но если вы хотите выжить – придется двигаться», – пришел на ум еще один совет от Сьюмбюля.

– В конце концов, до дерева можно добраться и на руках, – прошептал я. – Нужно лишь постараться...

Ладонь двинулась по камню, ища новый выступ правее того места, где я висел, а когда поиски увенчались успехом, я поблагодарил небеса. Один шаг есть. Я перенес вес на новую опору и переставил левую руку на то место, где секунду назад была правая. Снова нашел камень и опять повторил шаг.

– Если ты упадешь, Васнецов, – прошептал я, – то постарайся падать на шею, чтоб уж наверняка. Проиграешь – вылетишь к чертям. А тогда – зря обманул родителей.

Преодолев такими «переступами» большую часть пути, в метре от дерева я оттолкнулся от каменной стены и зацепился за ствол, ободрав руки еще больше. Забраться на дерево было гораздо легче, чем висеть над пропастью. Наконец, грубая кора коснулась спины.

Я понял, что ни за что не проделал бы такой фокус, какой вытворил сейчас в обыкновенных условиях, даже будь у меня страховка. Видимо, страх проигрыша и адреналин напроць вышибли из меня инстинкт самосохранения.

Я поднял руки, но в темноте увидел лишь черные пятна

на белых палках – словно березовая кора в корнях дерева. Пусть так оно и представляется сейчас. Тогда не хотелось думать, о том, что это всего лишь кровь на бледных руках.

Пролежав так много времени, я понял, что стало тихо. Очень тихо.

Повернул голову и посмотрел на крышу – пусто. Охрана могла раскрасить меня в зеленый полностью, пока я болтался на горе, как мартышка, но, почему-то не сделала этого. Боялись, что могу упасть? Возможно.

Я снова положил голову на ствол и посмотрел в небо. Оно было усеяно звездами, будто кто-то просыпал сахар или муку. Большая часть звезд подмигивала, будто сообщая об обмане: эй, ты ведь знаешь, что мы никакие не звезды? Да, мы спутники и космические корабли! Это было немного странно – хотя бы потому, что еще лет двести или триста назад в районе Большой Медведицы было семь крупных звезд, а теперь их стало около двадцати; мелких – и того больше.

С неба на меня что-то упало. Я дернулся, отбрасывая длинный предмет в сторону и чуть не свалившись с дерева. Благо, это оказалась никакая не змея, а всего лишь веревка.

«Они все же увидели, что я перелез сюда».

Я встал и намотал часть спасительной нити на руку, а остальное обвязал вокруг левой ноги. Леандро потянул меня вверх, а когда скорость подъема увеличилась, я понял, что подключилась еще как минимум пара рук.

Наконец, я оказался на вершине горы.

– В тебя попали? – бросилась ко мне Джульетта.

– Да, но, надеюсь, я успел сбросить футболку, прежде чем краска пропиталась. Посмотри, пожалуйста, есть ли на спине пятно?

– Ничего, кроме царапин, – ответила англичанка после осмотра спины с помощью фонарика. – Тебе повезло больше, чем Жаку.

– Что с ним? – я вспомнил, как он жаловался на ногу.

– Его обстреляли, и очень сильно. Без Сюин я не могу утверждать, что были задеты жизненно-важные органы, но, голову даю на отсечение – так оно и есть.

Я сел на край горы и посмотрел вдаль. Горизонт на востоке уже высветлялся, а значит было около четырех-пяти часов утра. Как поздно и... холодно. Ветер на вершине горы пронизывал до костей, а от близости воды по коже бежали мурашки.

– Мы останемся здесь, или спустимся? – спросила Ютта.

– Конечно, надо спуститься, – задумчиво сказал Леандро. – Здесь негде спать.

Мы не стали спорить, и, поднявшись, вброд дошли до полового спуска. Жак все же шел нормально, но его одежда была сплошь покрыта зелеными пятнами.

– О, Боги! – воскликнул Эдвин.

– Что случилось? – спросил я, подходя ближе.

– Они нас ждут.

Больше и говорить ничего не надо было – и так понятно,

что попали мы в паршивое положение. Конечно, а чего мы еще ожидали? После нашего нападения на школу, охранники точно могли догадаться, что мы сидим на горе, а окружить ее четырнадцать людям – ничего не стоит.

– Что будем делать? – спросил Жак, когда мы вернулись на прежнее место. – Мы в ловушке, да?

– Нет, – вдруг сказал Эдвин.

– Я понимаю, что ты хочешь подбодрить нас, но это не тот случай, – произнес Леандро.

– Я говорю правду – мы не в ловушке.

– Что ты имеешь в виду? – Джульетта села, свесив ноги с края горы.

– У нас еще есть выход, если он, конечно, не перекрыт. Хотя, думаю, они и не рассчитывают, что мы так поступим.

– Какой выход? – спросили мы с Леандро в один голос.

– Охрана окружила гору. Мы можем спуститься по веревке на крышу и выйти чере...

– Нет. Я больше туда не пойду. И Жак, думаю, тоже. Нам хватило, Эдвин, извини, – сказал я.

Француз промычал что-то – думаю, согласился.

– Ну, тогда – действительно. Выхода нет, – бросил американец и уселся на край горы.

– Можно попробовать продержаться на горе два дня, но это не очень хороший вариант, – пожал плечами Джульетта. – Или сдаться... У нас же еще есть Сюин. Может, она спряталась лучше...

Наступило молчание. Мы явно упали духом, оказавшись в ловушке, но на то были причины – выбраться из одной передраги, чтобы попасть в другую? Это не очень приятно.

– Есть еще один выход! – неожиданно сказала Ютта. – Его не перекроют никогда.

– Да? – Леандро лениво кидал камни вниз, отрывая их от горы.

– Водопад, – Ютта встала и пошла по краю. – Вода должна была выбить огромную яму в том месте, куда падает, и, спустившись с такой высоты вместе с водой, человек не разобьется – его отнесет подводным течением вниз по реке. Ну, я так думаю. А там можно и на берег выбраться, а можно так до устья и плыть. Потом уже по пляжу к Сьюмбюлю. Охрана-то все равно будет гору караулить. Вопрос в том – кто пойдет.

– Подожди, Ютта, – произнесла Джульетта. – То есть, твой план основан на предположении, что под водопадом достаточно глубокое дно, и все?

– Ну да. Я же этого не проверяла, – даже в сумерках было видно, как Ютта покраснела.

– Отлично. Тогда нужно проверить. Я пойду, – сказал Леандро, и, пока другие не возразили, он произнес: – Вы уже рисковали собой. Теперь моя очередь.

– Но ведь это небезопасно... – пролепетала Джульетта, но Санти ее не слушал.

– Возьми фонарик, – Ютта сунула его в руку итальянцу. – Как только окажешься в лесу – дай пару сигналов, я увижу.

И еще – возьми с собой пару автоматов. Ведь оружие тоже нужно спустить.

Леандро кивнув, нырнул в озеро и поплыл к водопаду.

– А что, если у реки тоже охрана? – спросил Жак.

– Вода не даст краске попасть на нас, а на поверхность мы выплывем дальше, – ответила Ютта. – К тому же, у каждого из нас будет оружие.

Девушка двинулась по краю скалы к обрыву и вернулась через несколько минут.

– Все чисто, – Ютта кивнула Джульетте. – Леандро в лесу, теперь твоя очередь. Нужно быть очень осторожной. Как доберешься до Леандро – дайте мне знать.

Джульетта, взяв автомат и пистолет, нырнула под воду.

Через некоторое время Ютта дала сигнал плыть Жаку. Потом мне.

Стало невыносимо холодно, когда вода поглотила меня.

«И почему во время этого испытания нас преследуют только холод, темнота и тишина? А, ну еще и боль...»

Водопад приближался.

«Холод, темнота и тишина... Как после смерти», – усмехнулся я мысленно и вынырнул перед самым обрывом, чтобы глотнуть воздуха.

Увидел сосредоточенное лицо Ютты, крепче перехватил оружие и понесся вниз. Мне показалось, что душа осталась где-то наверху, а падает только тело. Но нет. Полет продолжался не больше тридцати секунд, и вот я уже упал в глу-

бокую яму, почувствовав слабый толчок при встрече горизонтального и вертикального потока. Тут же, как и говорила Ютта, течение подхватило меня и понесло вперед. По меньшей мере, в пятнадцати метрах от водопада я вынырнул на поверхность и заметил в отдалении человеческие фигуры. Вылез на берег. Навстречу мне уже шли Леандро, Джульетта и Жак.

Итальянец подал сигнал Ютте и протянул мне руку, помогая встать. Не успел стряхнуть с себя прилипшие листья, как, громко вдыхая воздух, на поверхность поднялся Эдвин.

– С тобой все нормально? – спросил я. – Приводнение удачно?

– Вполне. А ты как? – он кивнул на мои руки, осветившиеся вспышками фонарика.

– Не до этого сейчас. Так что все в порядке.

Ютта, кашляя, выпрыгнула из воды и, сунув нам оружие, согнулась пополам. Девушку вырвало. Немка умылась, прополоскала рот и подошла.

– Простите, – шмыгнула она, –хватила воды. Ну, идем к Сьюбюлю?

– Нет, краска – это не смертельно, – произнес Жак, хотя я видел, как он сдерживает боль. – Похожу еще немного грязным. Сейчас нам всем нужно отдохнуть. Ничего страшного не случится.

– А все же – вдруг, что-то произойдет? – спросила Джульетта.

– Ничего, продержимся еще два дня, – Леандро скинул кеды и потоптался по ним, выдавливая воду. – К концу третьего приведем Жака к Сюмбюлю и скажем, что его обстреляли при подходе к кораблю.

– Сомневаюсь, что Сюмбюль настолько доверчив, – задумчиво произнесла Ютта.

– И что? Будет лучше, если он снимет Жака с соревнования сейчас, или скажет, что он «умер» от потери крови потом?

– Хорошо, но если, охранники поймут, что мы не на вершине горы? Нам перекроют все пути, – не унималась Джульетта.

– Ну, возле корабля же действует режим тишины? – с надеждой спросил я.

– Кто тебе такое сказал? – скептически ухмыльнулся Леандро.

– Но... – начала немка.

– Хватит! – хрипло воскликнул Жак. – Он прав, Ютта. Все будет хорошо.

Спор прекратился, но напряжение все равно ощущалось.

Заночевать решили недалеко от устья реки, чтоб после подъема сразу отправиться к Сюмбюлю. Конечно, спать долго мы не могли, ведь небо уже светлело – было около шести часов утра. В свете дня нам нельзя было надолго задерживаться на одном месте.

Наскоро соорудили шалаши, по тем знаниям, что буквально вдалбливал в наши головы Сьюмбюль, и замаскировали их как могли. Хоть и устали, решили выставить дежурных.

Когда через два часа меня разбудила Ютта, на улице стало еще холоднее. Я трясся, сидя под пальмой в одних шортах, и мечтал о шерстяной кофте. Слишком много прошу? Ну, ладно. Хотя бы рубашку дайте. Удивительно, но начинаешь ценить, казалось бы, обычные, нехитрые вещи, когда их нет.

Солнце только распалось в посветлевшем небе, но птицы уже проснулись. Одна из них, осмелев, даже села мне на плечо, когда я задремал.

Выждав, свой час, я подошел к Эдвину и тронул его за плечо. Было без десяти девять утра (мы сверялись по часам американца).

– Эй, Эдвин, – от шепота парень сразу проснулся.

– Все тихо? – спросил он, садясь.

– Да, если не считать нашего храпа, – попытался пошутить я.

– Хорошо, – с серьезным лицом Эдвин вышел из шалаша и сел под пальму, а я занял место американца рядом с Леандро и Юттой, погружаясь в теплые сны, в которых у меня хотя бы не болела нога.

– Эй, Виктор! Да проснись ты уже, наконец-то! – раздался где-то совсем рядом голос.

– Кто здесь? – я резко сел, ударившись головой об сук на

одной из веток.

– Вставай, – повторила Ютта. – Джульетта сказала всем подниматься.

«Джульетта? Но, последним же дежурит Жак...»

Я вылез из шалаша. Солнце поднялось над горизонтом достаточно высоко, чтобы высушить росу, но ветер никуда не исчез. Казалось, он даже усилился с момента моего дежурства.

Обхватив себя руками и пытаясь согреться, я подошел к шалашу, в котором лежал Жак. Вокруг неказистой постройки уже собрались остальные, что-то бурно обсуждая.

– Я хотела разбудить Жака, чтобы он охранял нас дальше, но... Мы же говорили, что нам надо идти к Сьюмбюлю! Но никто не слушал! Да, мы же девушки! Вы же умнее нас! Все же всегда у вас в порядке! Теперь придется тащить его на себе!

– Так, Джульетта, – прервал ее Леандро. – О равноправии полов поговоришь в Мировом Суде. Сейчас есть гораздо более важные дела.

Я заглянул в шалаш француза через плечо Эдвина и увидел Жака. Его кожа стала такой красной, будто парня варили всю ночь, а места, в которые попала краска, стали грязно-коричневыми, и вокруг них выступила сыпь.

– Это можно как-то остановить? – Ютта озабоченно прикрыла рот рукой.

– Если бы знать! – Воскликнула Джульетта. – Помочь в

этой ситуации могла бы только Сюин, но ее поисками никто не удосужился заняться.

– А что сразу мы?! – воскликнул Эдвин, когда англичанка посмотрела на него.

– Мне все равно кто, – тихо сказала она. – Мы сейчас же отправляемся к Сьюмбюлю. И нам очень повезет, если охранники спят или просто думают, что мы до сих пор сидим на горе. Хотя... Они, наверно, сходили к Сьюмбюлю еще вчера – в отличие от нас – и теперь устроили недалеко от того места засаду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.